

Григорій СТАРИКОВ (*Kuiv*)

ЛИСТИ ДМИТРА БАГАЛІЯ ДО ОПАНАСА БИЧКОВА

Входження до академічного середовища для Д. І. Багалія виявилось однією з найдраматичніших і найтяжчих подій його життя. Власне тому так мало і неповно висвітлено цей період (1882–1889) у мемуарах вченого. У своїй “Автобіографії” Д. І. Багалій подає більше офіційний погляд, ніж власний: рецензія І. А. Лінниченка згадується без подробиць одним реченням, натомість старанно виписуються офіційні документи (рецензії В. Б. Антоновича, В. С. Іконникова, доповідна записка декана факультету, відгуки куратора, Д. І. Іловайського, К. М. Бестужева-Рюміна, Н. О. Попова, різні архівні матеріали)¹.

Російський дослідник С. І. Михальченко у своїй праці звернувся до подій, пов’язаних з рецензією І. А. Лінниченка на магістерську роботу Д. І. Багалія², при цьому помилково стверджуючи, що дана проблема “не получила пока подробного освещения в научной литературе”³. Окремі аспекти даної проблеми вже знаходили своє відображення у працях українських науковців, зокрема й на сторінках Українського археографічного щорічника⁴. Так, О. П. Толочко звертався до цієї теми на кілька років раніше, ніж С. І. Михальченко. Він поглянув на ці події значно ширше, пов’язавши їх з історією українського руху. Але при цьому його більше цікавила постать І. А. Лінниченка, а не Д. І. Багалія. Саме тому автор помилково стверджує, що скандал із вищезгаданою рецензією минув для Д. І. Багалія без наслідків⁵. Насправді ж усе сталось навпаки: рецензія І. А. Лінниченка стала тільки початком важкого періоду в житті вченого. Праці С. І. Михальченка та О. П. Толочка суттєво доповнили монографічне дослідження В. В. Кравченка, в якому цей

---

¹ *Багалій Д. І.* Автобіографія. 50 літ на сторожі української культури // *Багалій Д. І.* Вибрані праці: У 6 т. – Харків, 1999. – Т. 1: Автобіографія. Ювілейні матеріали. Бібліографія / Упор., вступ. ст., комент. В. В. Кравченка. – С. 96–115.

² *Михальченко С. И.* Киевская школа в российской историографии (В. Б. Антонович, М. В. Довнар-Запольский и их ученики). – М.; Брянск, 1997. – С. 41–44.

³ Там само. – С. 41.

⁴ *Толочко О. П.* Дві не зовсім академічні дискусії (І. А. Лінниченко, Д. І. Багалій, М. С. Грушевський) // Український археографічний щорічник. Нова серія. – К., 1993. – Вип. 2. – С. 92–103; *Кравченко В. В.* Д. И. Багалей: научная и общественно-политическая деятельность. – Харьков, 1990. – 176 с.

⁵ *Толочко О. П.* Дві не зовсім академічні дискусії... – С. 97.

епізод не був відображений⁶. Щоправда, через певний час у своїй великій статті дослідник згадав про цей епізод із життя Д. І. Багалія⁷. Також В. В. Кравченко приділив значну увагу й тим подіям, що відбувалися після скандальної рецензії⁸. Серед згаданих дослідників лише він у своїх працях скористався певною, хоч і дуже обмеженою кількістю листів з епістолярію Д. І. Багалія.

Найбільш детальне висвітлення періоду 1882–1889 рр. з життя Д. І. Багалія знайшов у численних листах вченого до В. Б. Антоновича, О. Ф. Бичкова, Д. І. Іловайського, В. Й. Ключевського, М. І. Костомарова, Ф. Г. Лебединцева. Центральне місце тут належить листуванню Д. І. Багалія з російським академіком, археографом, палеографом, директором Імператорської Публічної бібліотеки О. Ф. Бичковим. О. Ф. Бичков користувався значним впливом в академічному середовищі, до його думки прислуховувався і міністр народної освіти І. Д. Делянов. Саме він став тією людиною, що взялась допомогти Д. І. Багалію врятувати свою кар'єру. Ця справа виявилась дуже непростою і затяглась аж на кілька років. Тому Д. І. Багалій у своїх листах мав детально інформувати свого старшого колегу про хід подій у Харкові, щоб той міг вчасно надавати йому допомогу у Санкт-Петербурзі. Але довгі листи вченого, крім цієї інформації, містять дані про наукову діяльність Д. І. Багалія, його сімейне та матеріальне становище, душевний стан. Листи до О. Ф. Бичкова являють собою єдиний приклад в епістолярії Д. І. Багалія, коли вчений вдався до відвертої характеристики подій з академічного життя та своїх колег. Подібні оціночні судження в усіх інших його листах практично відсутні. У цьому випадку листи стали справді “живим свідком” подій. На відміну від листів Д. І. Багалія, О. Ф. Бичков відповідав стисло, виключно по суті справи, додаючи кілька обнадійливих слів.

Таким чином, саме листування дало можливість пов'язати між собою низку подій і окремо виділити цей період з життя Д. І. Багалія. Причому слід зауважити, що цей випадок не був екстраординарним, він являє собою лише яскравий приклад ставлення російської влади до досліджень з українознавчої тематики та вчених, запідозрених в українофільстві. Подібні прикрі моменти довелося пережити багатьом науковцям, що мали стосунок до українського національного руху.

Майже 17 років у Харківському університеті залишалась вільною посада доцента кафедри російської історії, яка була тоді ще й єдиною на Наддніпрянській Україні. Харків як губернське та університетське місто викликав значне зацікавлення у представників українського національного руху.

⁶ *Кравченко В. В.* Д. И. Багалей: научная и общественно-политическая деятельность.

⁷ *Його ж.* Д. І. Багалій в світлі й тіні своєї “Автобіографії” // *Багалій Д. І.* Вибрані праці: У 6 т. – Т. 1. – С. 11.

⁸ *Кравченко В. В.* Д. И. Багалей: научная и общественно-политическая деятельность. – С. 20–23; *його ж.* Д. І. Багалій в світлі й тіні своєї “Автобіографії”... – С. 12.

Кандидатом на зайняття вакантної посади був учень В. Б. Антоновича Д. І. Багалій, який на той час входив і до напівлегальної студентської організації “Кіш”, і до середовища Старої громади. Його кандидатуру в Харківському університеті мала підтримати група ліберально налаштованих професорів історико-філологічного факультету на чолі з О. О. Потебнею. Але, щоб обійняти цю посаду, потрібно було встигнути скласти магістерський іспит і захистити магістерську роботу. До того ж були й інші претенденти: П. М. Буцинський (протеже декана історико-філологічного факультету В. К. Надлера, головний конкурент Д. І. Багалія), В. І. Семевський (сторонній кандидат із Санкт-Петербурга) та І. А. Лінниченко (теж учень В. Б. Антоновича, який не підтримував його українофільських поглядів і кандидатура якого потім так і не була виставлена, хоча він уже почав друкувати свою роботу “Взаимные отношения Руси и Польши” і незабаром мав скласти магістерський іспит)⁹.

Тому, зважаючи на те, що часу обмаль, В. Б. Антонович зважився на ризикований крок: всупереч університетському положенню 1863 р. виставити роботу Д. І. Багалія з історії Сіверської землі до середини XIV ст.¹⁰, яка вже отримала золоту медаль і була йому зарахована як кандидатська, на здобуття магістерського ступеня¹¹. Так, у своєму листі він запевняв О. О. Потебню: “Книга эта не есть то сочинение, которое было удостоено золотой медали, хотя носит с ним одно название. Г[осподин] Багалей воспользовался своим бывшим сочинением только как канвою, переделал его и дополнил и прибавил несколько глав совершенно новых”¹². Рецензентами магістерської роботи виступили сам В. Б. Антонович і В. С. Іконников, і вона була успішно захищена у Київському університеті 26 вересня 1882 р.¹³.

На сторінках “Киевской старины” у 6 номері за 1882 р. було вміщено схвальну рецензію П. В. Голубовського. На його думку, єдиним суттєвим зауваженням стосовно дослідження Д. І. Багалія можна вважати неправомірне ототожнення ним русів, згаданих у арабського мандрівника Ібн Фадлана, із сіверянами¹⁴. Загальний же висновок П. В. Голубовського був таким: “Масса материала собрана автором в его труде как в источниках первой руки, так и в виде исторических статей, относящихся к данному вопросу. Весь материал переработан с большим искусством, и, кажется, можно сказать, что нет ни одного факта в истории Северской земли, имеющего интерес, на ко-

⁹ *Багалій Д. І.* Автобіографія. 50 літ на сторожі української культури. – С. 101.

¹⁰ *Його ж.* История Северской земли до половины XIV ст.[= Сборник сочинений студентов университета св. Владимира. – Вып. IV] – К., 1882. – 324 с.

¹¹ *Линниченко И. А.* Сочинения П. Голубовского и Д. Багалей. Критическая оценка Ивана Линниченка. – СПб., 1883. – С. 9.

¹² *Багалій Д. І.* Автобіографія. 50 літ на сторожі української культури. – С. 101.

¹³ Там само. – С. 88–89.

¹⁴ *Голубовский П. В.* История Северской земли до половины XIV ст. Дмитрия Багалей. Киев. 1882 г. // Киевская старина. – 1882. – Т. I. – № 6. – С. 521.

торый автор не обратил бы внимания. Северская земля получила наконец свою историю”¹⁵.

Таким чином, формальні вимоги були виконані, і 22 січня 1883 р. О. О. Потебня сповістив Д. І. Багалія про його обрання вісьмома голосами проти одного на посаду доцента¹⁶.

Здавалося, ніби обидві партії на факультеті були задоволені виборами: Д. І. Багалій мав читати лекції з давньої історії Росії, а П. М. Буцинський – нової. Але того ж 1883 р. в офіційному виданні – “Журналі Міністерства народної освіти” і окремим відбитком вийшла детальна рецензія на праці П. В. Голубовського та Д. І. Багалія, присвячені історії Сіверської землі до середини XIV ст. (із 43 сторінок рецензії – 34 стосуються дослідження Д. І. Багалія)¹⁷. Автором її був І. А. Лінниченко, який при написанні, можливо, в деякій мірі і керувався образою через невдачу з кафедрою у Харкові¹⁸. І. А. Лінниченко переконливо довів, що магістерська робота Д. І. Багалія містить великі запозичення з літописів і праць М. Я. Арістова, Є. В. Барсова, Д. Я. Самоквасова, М. І. Костомарова і В. Б. Антоновича (автор просто випишує в дві колонки місця з магістерської роботи і праці, звідки вони списані). Після детального розбору праці Д. І. Багалія, обсяг якої складав 310 сторінок, автор дійшов наступних висновків: 1) більше 100 сторінок дослідження (весь 3-й розділ, 1-й і 4-й, більша частина 6-го та 7-го) являють собою “прекрасный по точности снимок с весьма ограниченного числа общеизвестных пособий”, 2) ще приблизно 100 сторінок (5-й розділ) є простим перекладом літопису сучасною мовою, 3) інші сторінки стали “связками и скрепами” перших двох частин¹⁹. Крім цього, І. А. Лінниченко уїдливо зазначив: “К числу общих недостатков труда г. Багалея, помимо многословия, массы не идущих к делу эпизодов, следует отнести одно качество, которое я позволю себе назвать «потемнением сознания своей личности»... Дело в том, что автор весьма часто смешивает свою личность, свои мысли с личностью и мыслями других писателей”²⁰.

У своєму листі до редактора “Киевской старины” Ф. Г. Лебединцева Д. І. Багалій охарактеризував рецензію І. А. Лінниченка як “пасквиль, исполненный злобы и передержек”²¹. О. Ф. Бичкова вчений також запевняв у тому, що ця рецензія не є “строго научный разбор”, і єдиним недоліком своєї роботи називав недбалість²². Але через багато років у своїй “Автобіографії” він все-

¹⁵ Там само. – С. 522–523.

¹⁶ Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського (ІР НБУВ). – Ф. І. – Од. зб. 46166. – Арк. 1.

¹⁷ *Линниченко И. А.* Сочинения П. Голубовского и Д. Багалея... – 43 с.

¹⁸ ІР НБУВ. – Ф. III. – Од. зб. 3769. – Арк. 1; Ф. XXII. – Од. зб. 459. – Арк. 1.

¹⁹ *Линниченко И. А.* Сочинения П. Голубовского и Д. Багалея... – С. 43.

²⁰ Там само. – С. 11.

²¹ ІР НБУВ. – Ф. III. – Од. зб. 3762. – Арк. 3–4.

²² Там само. – Ф. І. – Од. зб. 45486. – Арк. 5.

таки частково визнав слушність закидів свого критика: “Кидаючи тепер ретроспективний погляд на свою дисертацію, я мушу одзначити, що написано її занадто спішно і не досить перевірено”²³.

Але обрання вже відбулося, авторитетом В. Б. Антоновича і В. С. Іконникова погасили скандал, і загалом наукова спільнота обминула увагою цю подію. І. А. Лінниченко, побоюючись після цього необ’єктивного ставлення до нього з боку В. Б. Антоновича, захистив свою магістерську 1884 р. у Петербурзькому університеті²⁴.

Не закінчилось все тільки для Д. І. Багалія, оскільки тепер він волею-неволею змушений був стати активним учасником професорського протистояння на факультеті.

Становище конкурента Д. І. Багалія по кафедрі – П. М. Буцинського було не набагато краще, ніж у нього самого. Його магістерська дисертація “Про Богдана Хмельницького”²⁵ отримала негативні відгуки професорів Харківського університету М. С. Дрінова та А. С. Лебедева, які доводили, що приписана автором собі честь віднайдення оригіналу “Березневих статей” Богдана Хмельницького є плагіатом зі статті Г. Ф. Карпова²⁶. Внаслідок цього історико-філологічний факультет не зміг прийняти до захисту дослідження П. М. Буцинського. Відхилив його магістерську роботу також і Петербурзький університет, куди вона потім була подана²⁷. Крім цього, В. Б. Антонович на сторінках “Киевской старины” зробив її детальний розбір.

Рецензент зазначав, що прізвище П. М. Буцинського він вперше зустрічає на сторінках фахового видання і постать його є невідомою у наукових колах²⁸. Здобуткам автора В. Б. Антонович присвятив одну сторінку. Він вбачав їх лише у використанні невідомих документів із Коронної Метрики, які містять нові відомості, головним чином, про зовнішню політику Богдана Хмельницького, його відносини з Османською імперією, Кримським ханством, Швецією та Семиграддям²⁹. Натомість десять наступних сторінок цілком стосуються виявлених рецензентом недоліків. А їх В. Б. Антонович нарахував досить багато: недостатня репрезентативність джерельної бази, поверхове знання історіографії досліджуваної проблеми, відсутність критичного ставлення до використаних джерел, неточність багатьох наведених цитат, незнання автором географії, наявність у праці значних анахронізмів³⁰. Завершив В. Б. Антонович свою рецензію без висновків, різко обіравши

²³ *Багалій Д. І.* Автобіографія. 50 літ на сторожі української культури. – С. 90.

²⁴ *Толочко О. П.* Дві не зовсім академічні дискусії... – С. 96–97.

²⁵ *Буцинский П. Н.* О Богдане Хмельницком. – Харьков, 1882. – 252 с.

²⁶ ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 45485. – Арк. 3–6.

²⁷ Там само. – Арк. 1–9.

²⁸ *Антонович В. Б.* Буцинский. О Богдане Хмельницком. Харьков, 1882 г. // Киевская старина. – 1883. – Т. 5. – № 2. – С. 417.

²⁹ Там само. – С. 418.

³⁰ Там само. – С. 419–423.

оповідь. Очевидно, що провокувати конфлікт він не бажав, оскільки робота П. М. Буцинського повністю відповідала ідеології російського уряду. Для вчених кіл і так було зрозуміло ставлення рецензента до фахової відповідності автора. Фактично В. Б. Антонович скористався тією ж зброєю, що і І. А. Лінниченко, маючи на меті, крім суто наукових цілей, ще й підтримати Д. І. Багалія, послабивши позиції його конкурента на факультеті.

Але П. М. Буцинський користувався підтримкою впливового у Петербурзі проф. П. О. Безсонова і мав незабаром одружитись із донькою декана історико-філологічного факультету В. К. Надлера, тому в офіційних колах ця рецензія сильно йому не зашкодила³¹. Крім цього, П. М. Буцинському поталанило здобути схвальний відгук М. І. Костомарова, який до того ж допоміг йому влаштувати свій захист у Київському університеті (1883). Для цього М. І. Костомаров навіть спеціально звернувся у листі до В. Б. Антоновича з проханням допомогти у цій справі³². Згодом Д. І. Багалій запевняв О. Ф. Бичкова, що М. І. Костомаров дещо переробив свій відгук на працю П. М. Буцинського, але останній зробив усе, щоб редакція “Южного края” його не помістила, і “теперь Ник[олай] Ив[анович] заявляет, что «он ошибся» и в авторе, и в его книге”³³.

Незабаром, за бажанням П. М. Буцинського, курс російської історії розподілили так: Д. І. Багалій мав читати давній період, історію Литовської Русі та Московської держави до початку правління Михайла Федоровича Романова і вести практичний курс з історіографії, а собі П. М. Буцинський взяв період від царювання Михайла Федоровича Романова до Катерини II включно³⁴.

Після вбивства царя Олександра II у 1881 р. в Російській імперії було введено новий університетський статут, найбільш консервативний в історії російських університетів. Статут 1884 р. значно збільшував адміністративну владу міністерства над університетами. Ректор, декани, професори, яких раніше обирали, тепер призначались міністром, міністерство затверджувало розподіл лекцій, усі штатні доценти переводились у розряд позаштатних приват-доцентів і т. ін. У Харківському університеті на історико-філологічному факультеті сімох доцентів (включаючи й Д. І. Багалія) університетське керівництво в особі куратора, проф. Військово-юридичної академії М. С. Максимовського розподілило на три категорії: екстраординарні професори (без докторського ступеня), виконавчі обов'язків екстраординарних професорів і позаштатні приват-доценти³⁵.

³¹ ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 45485. – Арк. 3–6.

³² *Єфремов С.* З листів Костомарова до Антоновича // Україна. – 1925. – Кн. 3. – С. 77–78.

³³ ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 45485. – Арк. 1–9.

³⁴ Там само. – Од. зб. 45489. – Арк. 1–3.

³⁵ *Багалій Д. І.* Автобіографія. 50 літ на сторожі української культури. – С. 105–106.

Д. І. Багалій куратором був зарахований до другої категорії – виконувача обов’язків екстраординарного професора³⁶. Але в Міністерстві народної освіти згадали про рецензію І. А. Лінниченка і вченого не тільки не підвищили, а навпаки, понизили на посаді, перевівши до категорії позаштатних приват-доцентів³⁷.

Крім цієї формальної причини, була й інша: у Міністерстві мали відомості, що Д. І. Багалій “в значительной мере отличается хохломанством”³⁸. Про звинувачення в українофільстві вчений на той момент ще не знав і в листі до М. І. Костомарова висловлював припущення, що усьому виною підступи І. А. Лінниченка³⁹.

Перейти до другої категорії Д. І. Багалію було можливо тепер лише через три роки⁴⁰. Але в тому ж листі до М. І. Костомарова він зазначав: “Как сознательный сын своей «бідной нени України», я чувствую себя обязанным принести все свои небольшие способности на изучение ее прошлого, тем более что это совпадает с желаниями и склонностями моего «я»”⁴¹.

Незважаючи на свою рішучість, молодому вченому досить тяжко було спостерігати, як його колегу по кафедрі П. М. Буцинського вже через три місяці його перебування на посаді приват-доцента перевели до другої категорії, оминувши вимогу університетського статуту про необхідність 3 роки пропрацювати приват-доцентом. Д. І. Багалій на той момент вже відпрацював 2 роки на посаді доцента й мав більше формальних підстав отримати підвищення⁴². З цього приводу Д. І. Багалій висловився у листі до О. Ф. Бичкова таким чином: “...ближайшее знакомство с г. Буцинским, как университетским преподавателем, заставляет меня еще сильнее чувствовать нанесенную мне обиду и делает положение мое невыносимым. Не могу я, по совести, не признать своего превосходства пред г. Буцинским! Все это заставляет меня нетерпеливо ожидать перемены в своей судьбе”⁴³. Вчений також намагався створити у впливового у міністерських колах О. Ф. Бичкова образ П. М. Буцинського як людини, абсолютно не здатної до наукових досліджень. Як приклад, Д. І. Багалій стверджував, що останній після захисту своєї магістерської роботи не займається ніякими науковими дослідженнями, а єдине, що він пише, то це – театральні рецензії⁴⁴. Заради справедливості слід зазначити, що П. М. Буцинський тоді починав працювати над докторською дисертацією “Заселение Сибири и быт первых ее насельников”.

³⁶ Там само.

³⁷ ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 45486. – Арк. 3–4; Ф. XXII. – Од. зб. 459. – Арк. 1.

³⁸ *Багалій Д. І.* Автобіографія. 50 літ на сторожі української культури. – С. 108.

³⁹ ІР НБУВ. – Ф. XXII. – Од. зб. 459. – Арк. 1–2.

⁴⁰ Там само. – Ф. І. – Од. зб. 45485. – Арк. 3.

⁴¹ Там само. – Ф. XXII. – Од. зб. 459. – Арк. 1.

⁴² Там само. – Ф. І. – Од. зб. 45485. – Арк. 3–6.

⁴³ Там само. – Од. зб. 45489. – Арк. 1–9.

⁴⁴ Там само. – Од. зб. 45485. – Арк. 3–6.

7 лютого 1885 р. О. Ф. Бичков повідомив Д. І. Багалія, що міністр народної освіти граф І. Д. Делянов попросив російського історика Д. І. Іловайського дати компетентний висновок стосовно його праць і від цього висновку залежатиме його переведення до другої категорії⁴⁵. Д. І. Іловайський зробив це досить швидко і вже 24 лютого повідомив Д. І. Багалія, що відгук був цілком сприятливий⁴⁶.

Але у своєму наступному листі Д. І. Іловайський написав про справжні мотиви дій Міністерства народної освіти. Виявилось, що позитивному вирішенню справи активно протидіє голова вченого комітету міністерства О. І. Георгієвський. Зокрема, він висував проти Д. І. Багалія звинувачення в українофільстві і підбурюванні студентів проти П. М. Буцинського. Перше звинувачення ґрунтувалось на надісланому з Харкова доносі, суть якого полягала в тому, що на VI археологічному з'їзді в Одесі Д. І. Багалій нібито прочитав реферат, "оснащенный малороссийскими песнями". Спростувати це було не важко, бо бюлетень з'їзду містив обидві доповіді Д. І. Багалія, присвячені архіву Полтавського губернського правління та історії колонізації Слобідської України. Друге звинувачення полягало у підбурюванні студентів до освістання вступної лекції П. М. Буцинського. У цьому декан В. К. Надлер звинуватив цілу групу викладачів, до якої відніс професорів О. О. Потєбню, А. С. Лебедева, М. С. Дрінова, а разом з ними і М. Ф. Сумцова (якому навіть захист докторської відхилили за "хохломанство"), Д. І. Яворницького та Д. І. Багалія⁴⁷. Звинувачені наполягали на тому, що причину свисту треба шукати не в них, а у фаховій підготовці П. М. Буцинського. Наступну його лекцію відвідав куратор, і вона пройшла нормально⁴⁸.

Усі ці події змарнували дорогоцінний для Д. І. Багалія час для роботи над докторською дисертацією, і він опинився у ситуації, коли вже був близький до завершення дворічний строк перебування на посаді позаштатного доцента, а надії на його подовження або перехід до категорії екстраординарних професорів були досить примарні⁴⁹. У відчаї Д. І. Багалій звертається до О. Ф. Бичкова: "Опускаются руки, падает энергия, убиваются силы, столь необходимые для непрерывной работы. Глубокоуважаемый Афанасий Федорович! Окажите мне возможное содействие и помощь в моем деле"⁵⁰.

У цій ситуації доброю новиною для Д. І. Багалія стало те, що історико-філологічний факультет вирішив за необхідне мати двох викладачів російської історії, про що декан і подав прохання до куратора і до міністерства⁵¹. Це дало змогу О. Ф. Бичкову, застосувавши свій вплив на міністра І. Д. Деля-

⁴⁵ Інститут літератури НАНУ (далі – ІЛ НАНУ). – Ф. 37. – Од. зб. 143. – Арк. 1.

⁴⁶ ІР НБУВ. – Ф. 1. – Од. зб. 45829. – Арк. 1зв.

⁴⁷ Там само. – Од. зб. 45484. – Арк. 1–7.

⁴⁸ Там само. – Од. зб. 45489. – Арк. 1–3.

⁴⁹ Там само. – Од. зб. 45484. – Арк. 10.

⁵⁰ Там само. – Од. зб. 45485. – Арк. 6–7.

⁵¹ Там само. – Од. зб. 45492. – Арк. 1–2.

нова, домогтися продовження видачі Д. І. Багалію окладу приват-доцента ще на один рік, але обов'язковою умовою для подальшої праці в університеті після його закінчення був захист докторської дисертації, про що він і повідомив Багалія 7 березня 1886 р.⁵².

Але з темою докторської дисертації вченому довелося зазнати значних труднощів. Цей момент майже не знайшов свого відображення у наявних на сьогоднішній день публікаціях. Натомість листування Д. І. Багалія з О. Ф. Бичковим містить чимало інформації про перипетії цієї справи. Так, при затвердженні теми дослідження від Д. І. Багалія зажадали, щоб він будь-що писав “по истории центра, а не украин”⁵³. Вчений у листі до свого старшого колеги передбачав появу подібних зауважень: “Я пишу историю Белгородской черты Моск[овского] Госуд[арства] и Слоб[одской] Украйны; может быть, это послужит со временем одним из веских соображений против моей работы”⁵⁴.

Обійти ці офіційні зауваження вченому все ж вдалося. Скоріш за все, за порадою В. Б. Антоновича або О. Ф. Бичкова він змінив назву дисертації з “Очерков внутренней истории Слободской Украйны”⁵⁵ на “Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства”. Але надрукувати зібрані архівні матеріали, які були додатком до дисертації, окремим томом “Актів Південної і Західної Росії” за редакцією М. І. Костомарова Д. І. Багалій тоді не зміг⁵⁶.

Враховуючи наявність суб'єктивних факторів на факультеті та побоюючись наразитись на негативні відгуки про свою роботу, як сталося з магістерською працею П. М. Буцинського, Д. І. Багалій не ризикнув захищатись не тільки в Харкові, а й навіть у Києві. Він звернувся до авторитетного професора Московського університету В. Й. Ключевського з проханням допомогти влаштувати захист у Москві. У своєму листі Д. І. Багалій зазначив причини, що спонукали його до цього: вчений називав небажання виносити своє дослідження на суд П. М. Буцинського у Харківському університеті та необхідність уникнути “подозрений в пристрастии” до нього його вчителів В. Б. Антоновича та В. С. Іконникова у Київському університеті⁵⁷.

Стосовно теми своєї докторської дисертації Д. І. Багалію вдалося заручитися підтримкою не тільки В. Й. Ключевського, а й його колеги Н. О. Попова. Останній дав схвальний відгук і взявся допомогти видати рукопис дисертації в “Чтениях Московского Общества истории и древностей российских”⁵⁸.

⁵² ІЛ НАНУ. – Ф. 37. – Од. зб. 144. – Арк. 1–2.

⁵³ ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 45487. – Арк. 3.

⁵⁴ Там само.

⁵⁵ Там само. – Ф. III. – Од. зб. 3773. – Арк. 22–24.

⁵⁶ Там само. – Ф. XXII. – Од. зб. 63. – Арк. 1–2.

⁵⁷ Відділ рукописів Російської державної бібліотеки. – Ф. 131. – Картка 31. – Спр. 9. – Арк. 1–13в.

⁵⁸ ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 45490. – Арк. 2.

Зі свого боку, О. Ф. Бичков допоміг опублікувати в офіційному “Журналі Міністерства народної освіти” невеликий начерк, що мав на меті ознайомити науковців з характером докторської дисертації Д. І. Багалія і перекопати їх, що це самостійне й одне з перших досліджень з історії колонізації “степних окраин Московского государства”⁵⁹.

17 травня 1886 р. до Петербурга були надіслані схвальні відгуки про 3-річну викладацьку діяльність Д. І. Багалія від декана факультету, ректора і куратора⁶⁰. Все це значно поліпшило умови для закінчення дисертації, і вже 18 червня 1886 р. Д. І. Багалій повідомляв О. Ф. Бичкова про завершення праці над більшою частиною рукопису і про початок його друкування в Москві⁶¹. Після всіх вищезгаданих подій ця робота була задумана як фундаментальне дослідження, побудоване, головним чином, на архівному матеріалі, з обов’язковою публікацією як тексту роботи, так і джерельної бази.

У квітні 1887 р. залишалось надрукувати тільки карту до дисертації, і В. Й. Ключевський окремим листом повідомив Д. І. Багалія, що він вважає за можливе не відкладати захист до осені і допоможе влаштувати його за пришвидшеною процедурою⁶². І 23 травня 1887 р. у Московському університеті відбувся захист докторської дисертації Д. І. Багалія. Н. О. Попов з цього приводу висловився таким чином: “...если бы Вы представили одну пятую главу своего исследования, то мы бы Вам за нее одну дали степень доктора”⁶³.

11 червня 1887 р. О. Ф. Бичков, вітаючи Д. І. Багалія із захистом дисертації, повідомив, що міністр тепер не бачить ніяких перешкод для призначення його екстраординарним професором⁶⁴.

Листування з В. Б. Антоновичем засвідчує, як уважно стежив Д. І. Багалій за аналогічним процесом захисту докторської дисертації П. М. Буцинського. Із захистом докторської дисертації він випередив П. М. Буцинського майже на три роки. Останній вирішив захищати своє докторське дослідження “Заселение Сибири и быт первых ее насельников”, як і магістерське, у Київському університеті. Цього разу йому мав допомогти Ю. А. Кулаковський. Прохання про захист роботи було внесено на історико-філологічний факультет 28 листопада 1889 р. В. Б. Антонович заявив, що бажає відмовитись від рецензування праці П. М. Буцинського та участі у диспуті, мотивуючи свою позицію такими документами: він не є фахівцем з історії Сибіру, роботу виконано виключно за матеріалами Архіву Міністерства юстиції у Москві, які до роботи не додані, і тому перевірити їх дуже важко, автор не викликає довіри як науковець. Після довгих обговорень В. Б. Антонович все-таки

⁵⁹ Там само. – Од. зб. 45491. – Арк. 2–4.

⁶⁰ Там само. – Од. зб. 45474. – Арк. 1.

⁶¹ Там само. – Од. зб. 45493. – Арк. 2.

⁶² ІЛ НАНУ. – Ф. 37. – Од. зб. 197. – Арк. 1.

⁶³ ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 45471. – Арк. 1–3.

⁶⁴ ІЛ НАНУ. – Ф. 37. – Од. зб. 145. – Арк. 1-2.

погодився дати відгук, але не раніше того, як дізнається думку московських науковців В. Й. Ключевського, Н. О. Попова та М. М. Оглобліна⁶⁵. Тому захистити свою роботу П. М. Буцинський зміг лише у березні 1890 р.⁶⁶

Після захисту докторської дисертації Д. І. Багалій активно зайнявся архівною та археографічною працею. У своїх листах до О. Ф. Бичкова вчений детально описував свою наукову роботу, демонструючи у такий спосіб намагання виправдати надані йому допомогу та підтримку, а також спростування присуду І. А. Лінніченка про нездатність до наукової роботи. Так, було розпочато друкування 1-го тому “Материалов по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства”, здійснено розбір приватного архіву в маєтку П. П. Флоти у с. Бабаях, що включав у себе фамільні документи трьох знаних на Слобожанщині дворянських родів: Донців-Захаржевських, кн. Крапоткіних і Щербініних⁶⁷.

Наступного 1889 р. він розпочав друк 2-го тому “Материалов по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства” (куди ввійшов і “Екстракт о Слобідських полках”, який вважався загубленим). Також вийшли друком “Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры”, “Описание Слободско-Украинской губернии” 1802 р. (з передмовою і коментарями Д. І. Багалія), у 15-му випуску “Критико-биографического словаря” Венгерова вміщено оцінку наукової діяльності В. Б. Антоновича та ін.⁶⁸.

Незабаром праця вченого отримала визнання такої авторитетної установи, як Імператорська Академія наук. Відомості про це можна знайти в листах неодмінних секретарів цієї інституції до Д. І. Багалія. У 1888 р. Д. І. Багалій подав свою докторську роботу, розбиту на дві праці “Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского Государства”, т. 1-й та “Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского Государства”, на отримання престижної премії графа О. С. Уварова. Ця нагорода існувала з 1857 р. і присуджувалась Імператорською Академією наук. У вересні 1888 р. згадані роботи Д. І. Багалія були удостоєні цієї премії, що супроводжувалася ще й грошовою винагородою в розмірі 500 крб.⁶⁹

⁶⁵ ІР НБУВ. – Ф. 80. – Од. зб. 74. – Арк. 14–15.

⁶⁶ Там само. – Од. зб. 75. – Арк. 16–17.

⁶⁷ Там само. – Ф. І. – Од. зб. 45494. – Арк. 1–2; *Багалей Д. И.* Фамільные бумаги Щербининых, князей Крапоткиных и Донцов-Захаржевских в имении П. П. Флоты с. Бабаях // Харьковские губернские ведомости. – 1888. – № 247. – 24 сент. – С. 2.

⁶⁸ ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 45475. – Арк. 1–2; *Багалей Д. И.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры // Киевская старина. – 1889. – Т. 25. – Кн. 4. – С. 27–55; Кн. 5–6. – С. 439–484; Т. 26. – Кн. 7. – С. 110–148; Описание Слободско-Украинской губернии: [Объяснит. текст к атласу, 1802 г.: Публикация] / Предисл. Д. И. Багалей // Харьковский сборник. – Харьков, 1889. – Вып. 3. – Отд. 2. – С. 67–111; Антонович Владимир Бонифатьевич // *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: (От начала рус. образованности до наших дней). – СПб., 1889. – Т. 1. – Вып. 1–21. – С. 655–666.

⁶⁹ ІЛ НАНУ. – Ф. 37. – Спр. 147. – Арк. 1; ІР НБУВ. – Ф. 80. – Од. зб. 42. – Арк. 1–2.

Праці Д. І. Багалія справили дуже позитивне враження на Комітет правління Імператорської Академії наук. Так, до нього звернулися з проханням виступити рецензентом дослідження О. М. Лазаревського “Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Том 1-й. Полк Стародубский”⁷⁰. Д. І. Багалій написав про цю працю не просто рецензію, а фактично власне дослідження із залученням значного архівного матеріалу⁷¹. За свою роботу вчений у 1890 р. отримав від Академії золоту медаль, яка була встановлена як окрема нагорода спеціально для рецензентів⁷².

Плідна наукова діяльність Д. І. Багалія дістала належну оцінку і в Міністерстві народної освіти. 14 червня 1889 р. він отримав поздоровлення О. Ф. Бичкова з приводу призначення його ординарним професором⁷³. У своїй відповіді Д. І. Багалій зазначив, що це призначення тепер дасть йому змогу відмовитись від занять для додаткового заробітку в жіночій гімназії і цілком зосередитись на науковій діяльності, а також отримати “необходимое спокойствие духа и некоторую уверенность в завтрашнем дне”⁷⁴.

Згодом Д. І. Багалій став визначним науковцем, політиком і громадським діячем у межах усієї Російської імперії. Але події 1880-х рр. наклали значний відбиток на всю його подальшу діяльність. Відчувши силу залежності від влади, Д. І. Багалій намагався всіляко уникати теоретичних конструкцій і не міг відійти від позитивістської методології, навіть коли в нього вимагали “марксистського” висвітлення історії. Обережність вченого здавалася тим, хто оточував його, надмірною, і навіть зять Д. І. Багалія О. М. Ладиженський характеризував його як “типичного украинского крестьянина”, готового підкорятися будь-якій владі⁷⁵.

Описані у листах події, крім персонального значення для Д. І. Багалія, являють собою яскравий приклад ставлення у Російській імперії до досліджень з українознавчої тематики в умовах дії університетського статуту 1884 р. та Валуєвського циркуляру 1863 р. Наявність у назві докторської дисертації слова “Украина” викликала численні зауваження урядовців. Чиновники Міністерства народної освіти заперечували навіть проти зміни його на співзвучний термін “украйна” (у розумінні “окраїни”). Тільки трансформація на “степную окраину Московского государства” дала змогу вченому про-

⁷⁰ ІР НБУВ. – Ф. 80. – Од. зб. 43. – Арк. 1–2.

⁷¹ Рец. на кн.: *Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. – Т. 1: Полк Стародубский. – К., 1888. – XVI, 470, XXX с. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1888. – № 10. – Ч. 259. – С. 356–368.

⁷² ІР НБУВ. – Ф. 80. – Од. зб. 44. – Арк. 1.

⁷³ ІЛ НАНУ. – Ф. 37. – Од. зб. 148. – Арк. 1.

⁷⁴ ІР НБУВ. – Ф. І. – Од. зб. 45476. – Арк. 1–2.

⁷⁵ Чотири розповіді про Дмитра Багалія [Упор., передне слово О. Багалій]. – Харків, 2007. – С. 21.

довжити дослідження. Листування Д. І. Багалія з О. Ф. Бичковим, Д. І. Іловайським та В. Й. Ключевським показало, що для російського наукового середовища подібна підміна історичної термінології тогочасною географічною виявилась цілком прийнятною і не спричинила якихось заперечень. Натомість для міністерських чиновників учений надовго потрапив до категорії “українофілів” та “неблагонадійних”. Його кар’єра всіляко гальмувалася, проти нього висувались різноманітні звинувачення, і тільки особисті зв’язки врятували від втрати викладацької кафедри в університеті та більш сумних наслідків, які могли статись у подібній ситуації. Але випадок Д. І. Багалія у Харківському університеті не був поодиноким. Приблизно так само Міністерство народної освіти поставилось і до його колеги М. Ф. Сумцова, якому заборонили захист докторської дисертації “Иоанникий Галатовский и Лазарь Баранович”, і він змушений був написати нову роботу⁷⁶. Подані нижче листи порушують також і більш широке питання: пріоритет наукового сумління чи громадської доцільності. Д. І. Багалій, хоч і не створив у Харкові чогось на зразок філії Старої громади, але зробив на культурницькій та просвітницькій ниві, за висловом О. П. Оглоблина, “усе, що міг, більше того – те, що тільки він – з його вдачею й тактом міг зробити”⁷⁷.

Для публікації відібрано 20 найбільш інформативних листів. Подане нижче листування зберігається в Інституті рукопису Національної бібліотеки України ім. В. Вернадського (ІР НБУВ). Текст передано із збереженням граматики і стилістики автора листів. Явні помилки та описки виправлено, використано сучасні правила пунктуації, скорочення та пропущені слова або їх частини розкрито у квадратних дужках. Вгорі справа над текстом листів подано їх датування (у квадратних дужках – встановлене публікатором).

ДОКУМЕНТИ

Листи Д. Багалія до О. Бичкова

№ 1

[Грудень 1884 – січень 1885 рр.]

Милостивый Государь,
Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Осмеливаюсь обратиться к Вам с всепокорнейшей просьбой.

В настоящее время мною собрано значительное количество материалов для Истории Слободской Украйны; одна часть их относится к колонизации края в XVII и XVIII вв. (на основании ее мною был составлен реферат для II-го археологического съезда, прочитанный в извлечении в одном из заседаний по секции исторической географии и этнографии); другая – к землевладению; третья – к населению

⁷⁶ Багалій Д. І. Автобіографія. 50 літ на сторожі української культури. – С. 107.

⁷⁷ Оглоблин О. Пам’яті Дмитра Багалія (1857–1932–1957): (Дмитро Іванович Багалій і українська історична наука) // Український історик. – 1988. – № 1–4. – С. 103.

(казачеству и крестьянству). Материал этот найден частью в Моск[овском] Архиве Министер[ства] Юстиции, а частью в Харьковских архивах. В виду того, что история Слободской Украины нам почти неизвестна, а между тем разработка ее представляет большой интерес для русской истории, я обратился к Н. И. Костомарову¹ с просьбой посодействовать мне в этом деле и обратиться от моего имени в Петербургскую Археографическую комиссию с просьбой, не возьмется ли она напечатать документы, касающиеся Слободской Украины, под моей редакцией в одном из томов “Актов Южной и Западной России”. Николай Иванович [Костомаров] отнесся к моему проекту с большим сочувствием и обещал поднять этот вопрос в первом заседании Комиссии.

Зная Вашу отзывчивость, уважаемый Афанасий Федорович, ко всякому научному предприятию, осмеливаюсь беспокоить Вас и в данном случае, тем более что для меня имеет серьезное значение осуществление проекта в возможно скором будущем.

Собранные мною документы должны служить приложением к моей докторской диссертации, которую я думаю окончить в начале будущего года (заглавие диссертации “История Слободской Украины”, для 1-го выпуска я думаю обработать три главы – колонизация, землевладение, население). В настоящее время я нахожусь в самом неопределенном положении. Недели две тому назад к нам в Харьков пришла из Министерства бумага о доцентах, на основании которой я должен буду остаться за штатом, перейти из штатных доцентов в приват-доценты, между тем как г. Попечитель согласно представлению г. декана факультета просил о зачислении меня в Исправляющие должность экстраординарного профессора. Такое решение Министерства вызвано существованием неблагоприятной рецензии на мою магистерскую диссертацию “История Северной Земли до пол. XIV [века]”, принадлежащей перу моего бывшего товарища по университету И. А. Линниченка². Но почему не принять во внимание мой ответ г. Линниченку³, мои дальнейшие ученые труды – я не знаю. Теперь попечитель поехал к Вам в Петербург с целью ходатайствовать о своих прежних Представлениях. Но каков будет результат, неизвестно. Я же скажу о себе одно: лишить меня возможности работать для науки, значит нанести мне очень тяжелый удар, разбить всю мою жизнь. В моей магистерской диссертации есть один грех – небрежность, но за него я уже понес достаточное наказание. Рецензия же г. Линниченка – не строго научный разбор, а *пасквиль*, как это я достаточно убедительно показал в своем печатном ответе.

И вот теперь мой жребий скоро будет решен. В виду этого я посвящаю каждую минутку своего досуга работе над диссертацией; в виду [этого] мне крайне важно найти помещение для своих документов.

Примите уверение в глубокой преданности

Ваш Дм. Багалей.

Мой адрес: в Харьков, Университет, доценту Дмитрию Ивановичу Багалею.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45486. – Арк. 1–5.

Милостивый Государь,
 Многоуважаемый Афанасий Федорович!

Спешу Вам сделать несколько разъяснений по поводу своих материалов.

В дополнение к имеющимся документам я списал ещё

1) описание Сумского и Ахтырского Слободских полков 1732 г.

2) Сведения о Екатерин[ин]ской комиссии для составления проекта Нового Уложения в Харьковской губ[ернии]; об этом сохранилось в Харьковском архиве целое большое интересное дело, 3) в ответ на сделанное обращение к публике я уже получил некоторые материалы, касающиеся Ахт[ырского] полковника Осипова; кроме того, мне обещали раздобыть летописные заметки городов Ахтырки (бывший полковой город) и Белополье (сотенный город). 4) Намерен ознакомиться с материалами, собранными бывшим председателем Харьк[овской] Казенной Палаты и касающимися старозаимочного землевладения. 5) Кроме того, в Москве в архиве Мин[истерства] Юстиции для меня списано еще несколько документов; а) описание сторожевой линии в Слободской Украине (XVII в.) б) описание государственных пасек в Харьк[овском] уезде (XVII в.), с) описание города Валок в первой половине XVII в.

Весною я намерен поработать в Моск[овском] архиве месяц или полтора и после того немедленно приступить к печатанию материалов. Диссертация (докторская), кажется, будет готова к октябрю или ноябрю; заглавие ее: “Очерк внутренней истории Слободской Украины”, ч. 1-я, она будет состоять из 3-х глав – 1) Колонизация, 2) Землевладение, 3) Население (юридический быт).

Все это может быть, если... будет нужно для этого спокойствие, другими словами, если изменится к лучшему мое положение. Несколько дней тому назад я узнал новость, которая произвела на меня угнетающее впечатление. Г. Буцинский⁴, назначенный было 3 месяца тому назад приват-доцентом по кафедре русской истории, теперь переименован в исправляющие должность экстраорд[инарного] проф[ессора]. Я после двухлетней преподавательской деятельности из доцентов переименован в приват-доценты; он до сих пор *вовсе* не читавший лекций в университете и не бывший даже штатным преподавателем в Гимназии, сначала назначается приват-доцентом, а теперь повышается чуть ли не в профессора, вопреки прямому смыслу нового университетского Устава, который гласит, что всякий, приступающий к преподавательской деятельности в Университете, должен 3 года пробывать приват-доцентом. Очевидно, г. Буцинский произведен за какие-то заслуги. После внимательных размышлений я пришел к заключению, что заслуги эти заключаются в *абсолютном воздержании* от всякой научной деятельности. Ни до, ни после своей магистерской диссертации (“О Богдане Хмельницком”) г. Буцинский ни слова не напечатал, если не считать театральных рецензий и хроник закулисной жизни артисток, которые он постоянно доставлял в местную газету “Южный Край”, между тем Магистерская диссертация г. Буцинского не такова, чтобы давала ему права на отдых от научных занятий. Диссертация эта была *забракована* своим же факультетом, где вызвала крайне неодобрительные рецензии проф[ессоров] Дринова⁵ и Лебедева⁶; после этого она была представлена в Петербургский Университет, но и там ее отклонили. Защищена она в Киевском Университете, где специалист пр[офес-

сор) В. Б. Антонович⁷ дал о ней сдержанный, но, можно сказать, уничтожающий приговор (см. Киевская Старина 1883 г. февраль). На диспуте обнаружилось, что в весьма существенном вопросе, где г. Буцинский приписывает себе честь открытия подлинных статей Хмельницкого, он только совершил *плагиат*, списав эти статьи у Ген[надия] Карпова⁸ (из его статьи, помещ[енной] в Журн[але] Мин[истерства] Нар[одного] Просв[ещения]). Это обстоятельство было подчеркнуто и пр[офессорами] Лебедевым и Дриновым. У Ник[олая] Ивановича Костомарова г. Буцинский выпросил благоприятный отзыв, который и был напечатан в “Южном Крае”, но когда Ник[олай] Ив[анович] [Костомаров] захотел сделать некоторые оговорки и прислал в таком смысле письмо в “Южный Край”, то его не поместили. Теперь Ник[олай] Ив[анович] [Костомаров] заявляет, что “он ошибся” и в авторе и в его книге. Такова эпопея с диссертацией г. Буцинского. Я не хочу Вас посвящать в закулисную сторону дела, объяснять, почему проводят г. Буцинского. Скажу только одно, что главным виновником этого фокуса-покуса нужно признать все того же мага и волшебника – П. А. Безсонова⁹, который хочет очистить факультет для тех, кто будет преклоняться перед его ученым авторитетом.

Мне не опасна конкуренция с г. Буцинским, но конкуренция на почве научной и преподавательской деятельности. Теперь же будет совершенно иное. Сначала сравняли наши шансы (понижив меня). Этого оказалось недостаточным – возвысили надо мною г. Буцинского. Теперь декан – пр[офессор] В. К. Надлер¹⁰ будет делать представление о нашей преподавательской деятельности, а г. Буцинский должен вскорости жениться на его дочери... Такова перспектива будущего. А настоящее тоже тяжело. Опускаются руки, падает энергия, убиваются силы, столь необходимые для непрерывной работы. Я вот послал Ивану Давидовичу [Делянову]¹¹ полный список своих ученых трудов и сведений о своей преподавательской деятельности. Но каков будет результат? Он доказывает (неопровержимо), что я воспитал в себе привычку к труду, потребность в постоянных научных занятиях. Всякий, знающий меня, засвидетельствует, что я веду исключительно трудовую жизнь. Правда, я не так один раз взялся за работу, как следует. Но я получил такой тяжкий урок, который останется памятным навсегда. Точность и осторожность в пользовании источниками и пособиями сделались теперь моим девизом. Я не просил о чем-нибудь особенном; я желал только зачисление меня во 2-ю категорию, т. е. исправляющих должность экстраорд[инарного] проф[ессора]. Теперь – это явное предпочтение, оказанное г. Буцинскому, заставляет меня еще острее чувствовать оказанную мне несправедливость и желать ее исправления. Глубокоуважаемый Афанасий Федорович! Окажите мне возможное содействие и помощь в моем деле. Будьте моим ходатаем перед Иваном Давидовичем [Деляновым]! Узнайте от него, когда мое положение будет исправлено! Если же дело мое подвергается пересмотру, то кому поручено рассмотрение моей диссертации и других работ. Для успокоения себя я должен знать, *имеет ли это лицо в своих руках присланные мною сведения*, впервые делающиеся известными в Министерстве. Наконец, узнать это Вам можно будет не у самого Ивана Давидовича [Делянова], а у других лиц, возле него стоящих. Еще раз повторяю, что я глубоко страдаю от несправедливости и *от неизвестности*. Почему для меня очень важно, переданы ли кому-нибудь присланные мною на имя Ивана Давидовича [Делянова] материалы, и если да, то кому; я бы прислал тому лицу отписки всех своих работ.

Глубоко уверен, что Вам не придется раскаиваться за ту поддержку, которую Вы мне теперь окажете в моем трудном положении, ибо люблю избранную мною науку всеми силами своей души. Утешьте скорым ответом. Напомните собственное выражение Ивана Давидовича [Делянова]: “Ну, мы с вами, кажется, поспешили”.

Глубоко преданный Вам Дм. Багалея.

Адрес: Харьков, Университет, доц. Дмитрию Ивановичу Багалею.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45485. – Арк. 1–9.

№ 3

[1886 р.]

Милостивый Государь,
Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Я решил было не беспокоить Вас своим письмом до тех пор, пока Вы сами не сообщите мне об окончательной судьбе моих материалов. Но полная неопределенность действует на меня до того угнетающим образом, что я решаюсь злоупотребить Вашей добротой и снова просить Вас об одолжении.

В последнем письме своем Вы мне писали, что мое назначение будет зависеть от отзыва Д. И. Иловайского¹². Д. И. Иловайский дал самое благоприятное заключение о моих научных трудах, о чем сообщил потом и мне; на днях я получил от него другое письмо, в котором сообщает, на основании письма одного знакомого профессора в Петербурге, что мое дело в Министерстве еще не решено и что, по всей вероятности, тут противодействует г. Георгиевский¹³. Но г. Георгиевский во все меня не знает и во всяком случае должен был получить сведения от кого-нибудь из Харьковцев. В пользу этого говорит еще одно обстоятельство. На Фоминой неделе в Петербурге был вызван (как говорят) декан нашего историко-филологического факультета проф. Надлер. И вот он сообщает некоторые небезынтересные для меня факты. По его словам, в Министерство было послано, нужно думать, из Харькова, какое-то нелепое обвинение против меня, и он (Надлер) *будто бы* оправдывал меня перед Иваном Давидовичем Деляновым. Во всяком случае обвинение действительно не имеет за собою *ни малейшего* основания, так что, думаю, его должен был бы отвергать и сам В. К. Надлер. Обвинение состоит из двух частей – первая касается моего украинофильства, вторая – подстрекательства студентов против г. Буцинского; *единственным* доказательством в пользу первой приводится то, что я будто бы на Одесском археологическом съезде читал реферат, *уснащенный малороссийскими песнями*; в пользу второй не приводится ничего... Рассказ о реферате с малороссийскими песнями приводил пр[офессору] Надлеру сам г. Министр... и пр[офессор] Надлер ему же будто заявил, что здесь какая-то *qui pro quo*¹⁴, так как ему известно, что я такого реферата не читал. А нужно заметить, что эту же легенду о реферате с песнями сообщал ректору нашего Университета г. Аничков¹⁵ или Георгиевский. Когда я узнал об этом от ректора, я тотчас же принес ему бюллетень II археологического съезда, отметив в них красным карандашом изложение двух своих сообщений 1) Поездка в Полтаву для осмотра архива Губернского Правления; 2) История колонизации Слободской Украины в XVII и XVIII в. по архивным материалам. Ректор обещал мне *сейчас же* отправить их к г. Аничкову... Теперь опять выдвигается прежнее обвинение. Значит, эти бюллетени не были посланы или же не были доведены до сведения г. Министра...

Не менее внушительна вторая часть обвинения. Я с самого же вступления своего в Харьковский Университет стал по отношению к г. Буцинскому в такие отношения, которыми и он, и его друзья должны были быть весьма довольными: на г. Буцинского во всех его перипетиях я смотрел как на своего *товарища по кафедре*: я подал голос в факультете за выбор его в доценты, я признал удовлетворительными его пробные лекции (хотя и в одном, и в другом случае против него была ровно половина факультета), я предоставил ему выбрать себе курсы и отдел Университетских чтений, я, наконец, дружелюбно разделился с ним курсами по русской истории на следующие 3 года, хотя мог бы конкурировать с ним...

Все это я сделал, хотя положение мое было весьма затруднительное: я застал уже готовую распря в факультете и даже Совете (из-за г. Буцинского), в которую меня хотела вовлечь и одна, и другая сторона, но я твердо решил оставаться в качестве нового человека в стороне и ни разу потом не изменил своему решению. Что касается до этой несчастной вступительной лекции г. Буцинского (когда его освистали), то тут и дело объясняется предшествующими условиями и отношениями. Лекция не была так плоха, чтобы вызвать свистки, но студенты много наслышались о г. Буцинском; к ним доходили, конечно, в преувеличенном виде вести о спорах в факультете, тянувшихся 3 года, о непринятии диссертации в Харькове, о каких-то личных мотивах и интересах... все это подготовило почву...; нужно заметить, что и первая пробная лекция окончилась гробовым молчанием публики, а на второй было не более 10 студентов... Очевидно, следовательно, что причину свиста нужно искать во взглядах студентов на г. Буцинского: у них сложилось убеждение (правильное или неправильное – это другой вопрос), что г. Буцинского тянет пр[офессор] Надлер и что он серьезно наукой заниматься не будет. Таковы обстоятельства дела; произошел скандал; г. Попечитель приказал найти освиставших: их не нашли, хотя инспекция прекрасно знала виновных; почему? Потому что не хотелось поднимать дела, привлекать виновных, *выслушивать их заявления*. Но не хотелось признать, что здесь нет подстрекателей... И вот возникают какие-то слухи, что подстрекателями были те лица, которые раньше были против кандидатуры г. Буцинского – г. Потебня¹⁶, Лебедев, Дринов; затем по дороге пристегнуты и другие меньшие – Сумцов¹⁷, Эварницкий¹⁸ (конкурент г. Буцинского), я; в таком смысле, по-видимому, был сделан доклад и г. Попечителю (пр[офессором] Надлером). Таким образом, г. Буцинский в конце концов оказался в выигрыше*.

При чем здесь я? Для меня этот свист был большою неожиданностью и неприятным сюрпризом, ибо, повторяю, я давно решил, что г. Буцинский не мой враг, а товарищ по кафедре.

По поводу всего этого я в большой тревоге. В искреннее доброжелательство пр[офессора] Надлера (после дела с Преосв[ященным] Амвросием¹⁹) я не имею оснований верить; наоборот, я склонен думать, что поездка эта клонилась к моему вреду (так как и ко вреду г. Сумцова, и пользе г. Буцинского). Как все это происходило на самом деле? Какие существуют относительно меня сомнения или обвинения? Кто верит им в Министерстве? Кто внушил их? Какую роль по отношению ко мне играл пр[офессор] Надлер в бытность свою в Петербурге?

Мне необходимо все это выяснить и оправдаться от обвинений, выдвигаемых какими-то тайными моими врагами; и не имеющих за собой никакой почвы. Помо-

---

* У текста закреслено 1,5 рядка.

гите мне в этом! Пусть не умрет во мне вера, что и теперь еще можно добиться торжества справедливости! Нас, слабых, задавленных, запуганных, легко заклевать коршунами. Поверьте, что говорит во мне теперь не страх за свою карьеру, а единственно обида за несправедливость. Если я буду назначен исправляющим должность экстраорд[инарного] [профессора], то я буду получать те же 1200 в год, что получаю и теперь, и имею право получать в течении 2-х лет; но я желаю *снять с себя обвинения* и получить нравственное удовлетворение! Умоляю Вас, сообщите мне все это!

Затем другая просьба: не можете ли хотя приблизительно сказать, когда решится вопрос о моих документах; в мае (между 10 и 15) я хотел бы поехать в Москву в архив Мин[истерства] Юстиции и прожить там месяц (если раздобуду денег), затем в июле я желал бы приступить к печатанию материалов; к октябрю, думаю, окончить и диссертацию, чтобы в ноябре или декабре защищать ее в Петербурге или Москве; это необходимо в виду того, что в следующем году оканчивается 2-хгодичный срок получения прежнего доцентского оклада (в качестве заштатного доцента).

Преданный душою и много обязанный

Дм. Багалей.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45484. – Арк. 1–10.

№ 4

[1886 р.]

Высокоуважаемый Афанасий Федорович!

Не знаю, как и благодарить Вас за то сердечное участие, с каким относитесь Вы ко мне. Я с своей стороны желал бы только одного: оправдать по возможности в большей степени Ваше доверие ко мне. В одном, по крайней мере, Вы можете быть совершенно уверенны – это в моей любви к труду и науке; у меня нет никаких других интересов, кроме чисто научных да семейных; к политике и публицистике я остаюсь совершенно равнодушным.

Недавно назначенный исправ[ляющим] должность экстраординарного профессора г. Буцинский читал свою вступительную лекцию, которая, к несчастью, окончилась всеобщим шиканьем и свистом; говорю “к несчастью”, потому что покровители г. Буцинского сию же минуту стали сваливать с больной головы на здоровую; подстрекателями оказались профессора, дававшие во время оно неблагоприятное заключение о диссертации г. Буцинского и его пробных лекциях; главным же виновником был окрещен уважаемый А. А. Потеня, человек открытого, независимого характера, но державшийся в стороне от всех профессоров и студентов. На второй лекции г. Буцинского присутствовал г. Попечитель и потому она окончилась благополучно; теперь все это улеглось; г. Буцинский спокойно читает свой отдел первым двум курсам историко-фил[ологического] фак[ультета]. Говорит, что г. Попечителя поразила одна странность на лекции г. Буцинского: он окончил свою лекцию за 10 минут до звонка; такая странность повторяется и ныне на каждой лекции... Вероятно, г. Буцинскому трудно, не имея готового университетского курса, читать в одно и тоже время и в Университете, и в Женских пансионах (имея там около 20 ур[оков]). Что касается меня, то я не подал ни малейшего повода г. Буцинскому заподозрить меня в каких-либо недружелюбных действиях против него. Наоборот: я уступил ему первые два курса историко-филол[огического] факультета, оставив

себе (на этот год) два последних; я принял его предложение разделить поровну на будущее время курс Русской истории (себе я взял древний период, Историю Московского Государства до воцарения Михаила Федоровича, Историю Литовской Руси и систематический курс русской историографии; он оставил за собою Историю Моск[овского] Госуд[арства] при первых трех государях из Дома Романовых и Новую Русскую историю до Екатерины II включительно).

В настоящее время я читаю теоретический курс и веду практические занятия по историографии (всего 4 лекции на неделю), он читает только теоретический курс (по 3 лекции в неделю). Но нельзя ли признать весьма странным того, что *защитный доцент* (т.е. я) и теперь, и в будущем берет на себя важнейшие отделы Русской истории (древний период, историография истории Московского Государства), ведет уже добровольно по собственной инициативе и будет вести практические занятия по наиболее трудным и существенным вопросам (в 1-й семестр будущего года – чтение и разбор древней Русской летописи, во 2-й – Русской Правды, в 3-й сочинений Курбского и Иоанна, Судебника, в 4-й Литовского Статута, в 5-й Известий Иностранцев о Смутном времени, в 6-й главнейших мемуаров), а исправ[ляющий] должность экстраорд[инарного] проф[ессора] (т.е. г. Буцинский) берет менее важные отделы и не обозначает, какие практические занятия он намерен устроить. Одним словом, ближайшее знакомство с г. Буциным как университетским преподавателем заставляет меня еще сильнее чувствовать нанесенную мне *обиду* и делает положение мое невыносимым. Не могу я, по совести, не признать своего превосходства пред г. Буциным! Все это заставляет меня нетерпеливо ожидать перемены в своей судьбе.

Д. И. Иловайский *сам* прислал мне письмо, в котором извещает, что г. Министр Народного Просвещения запросил его мнения о моих научных достоинствах, причем он, Дмитрий Иванович, дал обо мне *самый благоприятный отзыв*.

С другой стороны, ректор нашего Университета И. П. Щелков²⁰ передал мне заявление г. Министра, что со мной *поспешили*, основываясь исключительно на одной неблагоприятной рецензии (г. Линниченка). Вместе с тем, г. Ректор сообщил мне и одно неприятное известие, что, насколько он мог убедиться из разговора с г. Аничковым, в Министерстве относительно меня происходит какое-то *qui pro quo*; именно заявляют, что я читал на Одесском Археологическом съезде реферат, в котором было *много малороссийских песен*, тут, очевидно, какое-то смешение; я читал два реферата: а) об архивных материалах, открытых мною в архиве Полт[авского] губ[ернского] Правления, б) Очерк колонизации Слободской Украины в XVII и XVIII вв.; ни в одном, ни в другом не было не только малорос[сийской] песни, но и отдельного стиха, даже слова. Действительно, на съезде было два реферата с песнями (один г. Маркевича²¹ “Одесса в народной поэзии”, другой г. Эварницкого “Поездка по Запорожским пепелищам”); но при чем же тут я? Услышавши это, я немедленно же передал г. ректору печатные протоколы Одесского съезда, и он обещал сейчас же отправить их г. Аничкову.

Вы, многоуважаемый Афанасий Федорович, если не ошибаюсь, присутствовали на моих рефератах и потому при случае засвидетельствуете, кому следует, что я тут ни при чем. Но интересно, откуда явилось такое известие в Министерстве?

Очевидно, во всяком случае, что мое дело в настоящее время так или иначе движется. Очевидно, что теперь именно и было бы полезно замолвить за меня слово. Обращаюсь за этим к Вам, Афанасий Федорович! Выскажите г. Министру свое

откровенное мнение о достоинствах и недостатках моих сочинений, с которыми Вы уже познакомились и относительно которых Ваш отзыв будет отзывом глубоко-го знатока и специалиста. Некоторые у нас в Харькове прибегают к местной высшей духовной власти и благодаря ее ходатайству достигают своих целей (в настоящее время весь университет говорит о двух профессорах-ставленниках, один на историко-фил[ологическом] фак[ультете] уже назначен, назначение другого на юридич[еском] ожидается на днях). Я же прибегаю к Вам, – на Ваш Суд отдаю свою научную деятельность! С нетерпением жду от Вас каких-либо известий о себе. Хорошим признаком считаю для себя утверждение доцента госуд[арственного] права Н. О. Куплевасского²² и имеющее вскоре состояться назначение г. Яроша²³.

Не посоветуете ли Вы напомнить о себе г. Министру? За все это время (после возвращения из Петербурга) я ни ему, ни кому-либо в министерстве ничего не писал.

Глубокоуважающий и много обязанный

Дм. Багалей.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45489. – Арк. 1–9.

№ 5

[1886 р.]

Милостивый Государь,
Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Приношу Вам сердечную благодарность за Ваши хлопоты обо мне. С несчастным исходом своего дела я готов был бы примириться, если бы не покидала меня “кроткая посланница небес” – надежда на будущее. Но какие шансы в будущем? Я должен обнаружить более критического таланта – согласен; но я должен, кроме того, избрать темою своей докторской диссертации вопрос из *более важного отдела, чем тот, к которому относилась моя магистерская диссертация*. Перед таким требованием я, признаюсь, останавливаюсь с изумлением и невольно опускаю руки. “Я посвятил свои занятия Северной Украине...”. Тут у меня являются вопросы: да разве Чернигово-Северская область с землей Вятичей была Украиной Русской Земли от IX до пол. XIV ст.? В таком случае и Галицкое княжество, и Новгородское, и Полоцкое, и в известный период Ростово-Суздальское, а следовательно и Московское, не говоря уже о Рязанском, *были Украинами*, история которых не имеет особенного интереса и не представляет значительной важности!... В таком случае Императорская Академия Наук напрасно наградила г. Иловайского (за его историю *Рязанской Украины*) и г. Борзаковского²⁴ за его историю Тверского княжества; в таком случае г.г. Костомаров, Никитский²⁵ и Беляев²⁶, занимаясь историей Новгорода, разрабатывали второстепенный отдел Русской истории. Интересно было бы знать, какой другой отдел русской истории с большим правом может быть назван *важным*, как не древний период, над которым “утерли пота” все корифеи русской исторической науки, начиная с немца Байера²⁷ и оканчивая только что усопшим историком-юристом К. Д. Кавелиным²⁸. Для того, чтобы написать свою “Историю Северной Земли” я должен был ознакомиться со всей Литературой и Источниками древнего Периода. Одним словом, для меня ясно, что человек, решивший мою судьбу, или мало знаком с древним периодом Русской истории, или же был ко мне пристрастен... Таково мое непосредственное впечатление; но, кроме того, являются и другие еще менее утешительные думы. *Значит, я во что бы то ни стало должен пи-*

сать по истории центра, а не украин. Я пишу историю Белгородской черты Моск[овского] Госуд[арства] и Слоб[одской] Украйны; может быть, это послужит со временем одним из веских соображений против моей работы. Но ведь эта Украина в настоящее время составляет один из важнейших центров русской торговли, промышленности, просвещения; ведь такое *временное* состояние Украйны переживали, можно сказать, *все области* нашего обширного отечества и изучать их историю значит несомненно изучать *историю России*. Русским историкам предстоит разрешить чрезвычайно важный вопрос, каким образом Русский народ и государство заселили обширнейшие территории нынешней России и ассимилировали массу разнородных народцев и народностей; а тут налагается запрет даже на историю Северной или днепровской украйны!.. Наконец, нужно принять во внимание и условия работы в столицах и провинции; у меня *дома* только местные материалы, но я собираю последние гроши и еду в центры (конечно, не на продолжительное время), чтобы не дать односторонних фактов – и все-таки в конце концов могу пострадать за *выбор* темы (не за исполнение), за *выбор*, к которому я принужден силою обстоятельств. Но довольно об этом! Не менее грустно и второе – мои документы не будут напечатаны в Комиссии. Быть может, Г. Ф. Карпов согласится в его томе “Актов” напечатать и мои документы, я был бы очень рад. В конце июля поеду в Москву на месяц. В октябре или ноябре думаю кончить свою диссертацию.

Сообщите, ради Бога, как меня представляли – в исправляющего должность экстраорд[инарного] [профессора] или просто в экстраорд[инарные] проф[ессора]. Если меня г. Министр не захотел утвердить и исправляющим должность, то это весьма грустно. Думаю, во всяком случае, что на основании отзыва Д. И. Иловайского из заштатных меня было бы справедливо исключить.

Остаюсь глубокопреданным Вам

Дмитрий Багалей.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45487. – Арк. 1–6.

№ 6

[1886 р.]

Милостивый государь
Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Посылаю Вам вместе с сим свои последние работы – “Материалы” и брошюры. Материалы будут служить приложением к диссертации, над которою теперь работаю. Рассчитывал было напечатать и даже защитить ее до конца каникул; но теперь вижу, что сделать этого не смогу; работать приходится в свободное от университетского преподавания время. Между тем, напр., в настоящее полугодие я должен буду читать общий курс Русской истории до Петра Вел[икого] по 4 часа в неделю, так как г. Буцинский с древним периодом совершенно не знаком. Работаю, м[ожет] б[ыть], даже ко вреду своего здоровья: грудь начинает болеть довольно сильно. Летом также не придется отдыхать – буду печатать рукопись. Печататься будет моя диссертация в “Чтениях Моск[овского] Общ[ества] [истории и древностей российских]”, причем особое содействие в этом деле мне оказал Н. А. Попов²⁹, который и сообщил мне сущность данного им заключения о моих научных трудах (вернее сказать, *только* об одном труде, так как другие ему тогда известны не были); из слов оказывается: 1) что обо мне он отзывался гораздо лучше, чем о г. Буцинском,

2) что отзыв обо мне не был отрицательный; он только выразил желание, чтобы я (и г. Буцинский) представил докторскую диссертацию, прежде чем получить *экстраординатуру*. Как бы то ни было, теперь дело обстоит так: с нынешним семестром прекращается мое содержание в размере 1200 р. в год, которое я получаю в течении 2-х лет в качестве доцента, оставленного за штатом. Никаких других средств к жизни, даже малейших, у меня нет; притом я человек женатый. Если до каникул не выяснится, что в следующем учебном году я буду получать прежний оклад, точно я должен буду искать себе каких-нибудь других занятий, другими словами, разбить свою жизнь, свои надежды...

Если до напечатания моих “Материалов” Д. И. Иловайский дал заключение о возможности предоставить мне содержание экстраординарного профессора, то было бы более чем справедливо оставить мне доцентский оклад в 1200 р. в качестве временно исправляющего обязанности экстраординарного проф[ессора], т. е. сравнить меня с г. Буцинским. Я глубоко уверен, что в конце концов правда восторжествует, потому что Министерство решилось руководствоваться в своих назначениях научною деятельностью кандидатов; впрочем, кажется, и г. декан факультета, а главное сам г. Буцинский сознали эту истину...; этот последний кроме магистерской диссертации не печатал *ни строки* до сих пор и, как мне известно, наверное, ничего и не готовит и не намерен готовить, решившись перенести центр своих занятий в женские гимназии, где он имеет о[чень] много уроков; в последнее время он, впрочем, высказывает желание поступить в Сибирский Университет.

Диссертация моя, полагаю, будет окончена печатанием до сентября мес[яца] сего 1886 года; диспут может состояться в октябре. Но мне хотелось бы предварительно поместить в Журн[але] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения] маленький отрывок из нее, напр., “Очерк заселения степной окраины Моск[овского] Гос[ударства] до Алексея Мих[айловича]” листа на 3 печатных; можно, пожалуй, взять еще меньшую часть – заселение при Мих[аиле] Федоровиче листа на 1½ – 2; этот отрывок дал бы понятие о *характере* и *направлении* моего труда, строго научном, объективном и совершенно свободном от упрека в каком-нибудь пристрастии, исключительности и т.п.; наоборот, мне нельзя будет не поставить в заслугу то внимание, с каким я отнесся к роли центрального Моск[овского] правительства в деле колонизации края, собрав *для этого* очень много материалов. Может быть, появление “Материалов” и отрывка из *написанного* уже исследования, имеющего появиться в свет в цельном виде, не позже сентября сего года, будет достаточно для того, чтобы я после *трехлетней* преподавательской деятельности в университете *накануне* своего *докторского диспута* мог рассчитывать на 100 руб. в месяц, чтобы иметь возможность продолжать свои научные занятия.

Вы, глубокоуважаемый Афанасий Федорович, оказали уже мне большую услугу сообщением некоторых сведений и сердечным участием ко мне. Это дает мне нравственное право надеяться, что на этот раз Вы не откажете мне в своем содействии. А содействие это будет состоять в совете – как мне поступить [в] данном случае, чтобы Мин[истерство] обратило внимание на мое положение и поддержало, ободрило бы меня на основании моей научной и педагогической деятельности; попечитель заявил, что он будет ходатайствовать о продлении мне содержания в качестве приват-доцента. Я бы считал бы себя нравственно удовлетворенным только тогда, когда бы, подобно г. Буцинскому, был назначен исправляющим должность экс[траординарного] проф[ессора] с содержанием 1200 р. в год. Несмотря на то,

что Мин[истерство] могло меня назначить штатным приват-доцентом на вакантную кафедру с жалованием, равняющимся половине оклада ординарного проф[ессора], т.е., в 1500 руб. Во всяком случае, если будет идти речь о приват-доцентуре, то именно о какой; быть частным приват-доцентом без содержания я не могу; даже занять приват-доцентуру с получением вознаграждения из особой суммы (60000 р.) *по истечении семестра*, я также не смогу, ибо мне нечем будет содержать себя до получения содержания; да я имею право на занятие вышеуказанной штатной приват-доцентуры, так как читаю *обязательные общие* курсы по вакантной кафедре. Не думает ли, впрочем, Мин[истерство] назначить кого-либо на вакантную кафедру Рус[ской] Истории в Харьк[овский] Ун[иверситет].

Итак, что мне предпринять? Не захотите ли Вы облагодетельствовать, сообщив при случае Мин[истру] Нар[одного] Пр[освещения] изложенные в этом письме факты? Не подать ли и мне записки?

Кроме этого, нельзя ли будет прислать Вам для прочтения отрывок из диссертации с тем, чтобы Вы передали его с[о] своей рекомендацией в Жур[нал] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения], *если одобрите его*; попасть туда постороннему человеку нелегко, в особенности если нужно, чтобы статья была помещена вскоре.

Преданный Вам Дм. Багалей.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45490. – Арк. 1–8.

№ 7

[1886 р.]

Милостивый Государь,
Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Не могу и выразить Вам, как Вы обрадовали меня своим письмом; с надеждой я теперьзираю на будущее; с новой энергией принимаюсь за свою работу. Без Вашей поддержки, без Вашего ходатайства мне, м[ожет] б[ыть], пришлось поневоле или, вернее сказать, против своей воли бросать любимое дело и приниматься за то, к чему не лежит мое сердце.

Получив Ваше письмо, я немедленно отправился к г. Попечителю – и он дал мне честное слово сделать обо мне вполне благоприятное представление, указав в нем на мою научную и преподавательскую деятельность.

Одно меня только смущает, это то, что наш попечитель *систематически* уклоняется принимать на себя инициативу в подобных делах; он выжидает, пока ему не дадут так или иначе понять, что представление его будет важно; так[им] обр[азом], и относительно меня отзыв (если бы его спросили) он дал бы *немедленно* самый благоприятный, а с представлением он по обыкновению, м[ожет] б[ыть], немного помедлит, хотя мне и *пообещал* сделать его теперь же.

Диссертация моя должна окончиться печатанием в “Чтениях Моск[овского] Общ[ества] [истории и древностей российских]” к сентябрю; скоро я отсылаю в редакцию первую половину.

Но предварительно хотелось бы небольшой отрывок из нее, дающий понятие о *направлении* и *характере* всего труда, поместить в Журн[але] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения]. Этот отрывок я посылаю Вам с просьбой передать Редактору Журн[ала] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения] г. Майкову³⁰, если, по Вашему мнению, он окажется пригодным и интересным для него.

Понимаю, что снова злоупотребляю Вашею доброю, и потому очень прошу Вас даже не читать его, а только передать в редакцию, если Вы в настоящее время заняты какою-нибудь спешною работою; можно, впрочем, устроить и таким образом – прочитав его, Вы мне пришлите его обратно, а я уже сам что-нибудь сделаю с ним. Теперь несколько слов о характере его.

Достоинства его: 1) он затрагивает совсем *новый вопрос*, 2) написан *преимущественно* по новым архивным материалам, да и печатанными материалами для этой цели никто еще не воспользовался (напр., Актами Южной и Зап[адной] Рос[сии] ч. III), 3) я заботился о *систематической* обработке бывшего в моем распоряжении материала, 4) *точка зрения и освещение* материала объективные.

Недостатки: 1) отрывочность и неполнота некоторых эпизодов, зависящая от неполноты самих источников, 2) относительная мелочность многих фактов и, конечно, много еще других, которые для стороннего наблюдения яснее, чем для меня...

Во всяком случае, меня оправдывает то, что шел я “неготовыми путями”, только вначале ссылаюсь я на одно или два пособия, потом идет вполне *самостоятельная* разработка данных; да и в начале у Яблоновского³¹ я взял только материалы (люстрации), а освещение им дал совершенно противоположное тому, какое нашел в его историческом очерке.

Я был бы, конечно, очень рад и счел бы для себя за большую честь, если бы эта статья нашла себе место на страницах такого почтенного журнала, как Жур[нал] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения]; но препятствием может послужить то обстоятельство, что статья эта должна явиться в Журн[але] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения] *раньше*, чем в дополненном виде будет напечатана в Чтениях [Московского общества истории и древностей российских] как часть 1-й главы моей диссертации. Это препятствие, буде оно явится, можете устранить Вы один; потому-то я и предаю ее в Ваши руки. Хорошо, если бы она появилась в майской книжке.

Глубокоуважающий Вас Дм. Багалей.

P. S. Не премините уведомить о судьбе статьи.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45491. – Арк. 1–5.

№ 8

[1886 р.]

Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

В дополнение к сообщенным мною сведениям спешу сообщить Вам еще следующее. Декан факультета через ректора Университета вошел с представлением обо мне к г. Попечителю. В этом представлении, по словам декана, указывается на необходимость для факультета иметь двух преподавателей по русской истории, так как только таким образом будет достигнута полнота преподавания, требуемая новым уставом; один же преподаватель – молодой и неопытный – не может одинаково успешно читать общих систематических курсов по древнему московскому и Имперскому периодам. Я же необходим для чтения древнего и Московского периодов, которыми специально занимался и которые доселе читал (Буцинский же будет читать и читает новую русскую историю). По своим преподавательским и ученым заслугам я также заслуживаю этого: 1) мое преподавание строго научно, не тенденциозно; 2) мои новые труды доказывают, что я имею право на продолжение содер-

жания. В заключение приводится 2 отзыва о моих “Материалах” из “Журн[ала] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения]” и “Киев[ской] Ст[арины]”.

Такова была черновая представления, каковую мне поручил составить декан факультета. Какова она в Мин[истерстве], увидите Вы сами; думаю, останется такая же самая, ибо декан указал мне план ее. Вероятно, очень скоро она будет отправлена в Мин[истерство]. Ректор относится благоприятно ко мне.

Глубокоуважающий и премного
обязанный Вам Дм. Багалей.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45492. – Арк. 1–2.

№ 9

[1886 р.]

Милостивый Государь
Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Спешу сообщить Вам, что представление обо мне из канцелярии Харьковского попечителя отправлено в Министерство сего 17 мая; заномеровано оно 14-м мая № 2599-м. Замедление объясняется тем, что попечитель был в командировке. Представление для меня очень благоприятное; оно состоит из 3-х частей – 1) Отзывы декана; 2) Ректора и 3) Попечителя. Все три в мою пользу; вместе с сим выслан и мой формуляр, из которого видно, что я уже пробыл преподавателем в Университете 3 года, т.е. законный срок даже для приват-доцента по новому уставу.

Теперь возлагаю, все надежды на Вас, многоуважаемый Афанасий Федорович. Теперь, конечно лучше и не поднимать вопроса об экстраординатуре. Но пусть же меня назначат на год исправляющим должность экстраординарного с жалованием доцента, т. е. 1200 р. Я думаю, что по справедливости с меня следует уже сбросить обидный эпитет “заштатного”, которым только я один и награжден в факультете. Еще в прошлом году в бытность мою в Петербург г. Министр Народного Просвещения, прочитав мой “Ответ г. Линниченку”, заявил мне, что мое положение будет изменено к лучшему. Я поступил так, как мне подсказывала научная честь и совесть. Я решил самим делом доказать, что г. Линниченко ошибался, произнося надо мною свой приговор. Все свое время я посвятил науке; у меня нет теперь никаких других планов и интересов, кроме моих работ, которыми я занят в настоящее время. Мои “Очерки из истории Колонизации и быта степной окраины Моск[овского] Госуд[арства]” значительно подвинулись вперед; все лето я думаю посвятить им же. На днях высылаю в Москву г. Барсову³² 1-ю часть своего Сочинения. В начале след[ующего] учебного года из печати выйдет книга не менее 20 печатных листов мелкой печати – “Чтений”.

Г. Бучинский по-прежнему ничего не пишет и не печатает. Не надеясь никогда напечатать докторской диссертации, он обнаруживает желание перейти в Томский Университет, если ему дадут экстраординатуру.

Итак, Глубокоуважаемый Афанасий Федорович, походатайствуйте в таком смысле, чтобы и меня, как и всех остальных доцентов нашего университета, сделали временно исправляющим должность экстраординарного по вакантной кафедре на один [год].

Такое повышение, по-видимому, совершенно возможно: г. Бучинский был сначала назначен приват-доцентом, а потом по одному ходатайству повышен через месяц

в исправляющие должность экстраординарного, в какой состоит и доселе. Жду от Вас ответа благоприятного. Представление обо мне, повторяю, сделано очень благоприятное; впрочем, Вы сами его прочтите! Глубокоуважающий и много обязанный Вам

Дмитрий Багалея

Мой адрес: в Харьков, Примеровская улица, дом Сумцовой, Д. И. Багалею.

P. S. О судьбе рукописи, Вам посланной, до сих пор ничего не знаю и беспокоюсь; если не напечатана, то пришлите мне ее назад, чем премного обяжете.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45474. – Арк. 1–4.

№ 10

18 июня 1886 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

От всей души благодарю Вас за участие, которое Вы принимаете в моей судьбе, и за хлопоты, которые Вы добровольно, только по своей доброте, на себя приняли. Исходом дела я совершенно доволен. Содержание мне на год обеспечено. В это время я надеюсь сделаться уже doctor'ом русской истории – и тогда мое положение м[ожет] окончательно определиться. Остановка за мною, но этого только я и желал. Я твердо уверен, что мой труд (докторская диссертация) будет достаточно солиден в научном отношении, так как является результатом добросовестной, серьезной и продолжительной подготовки.

Часть рукописи я уже отослал в Москву к Елп[идифору] Вас[ильевичу] Барсову, который обещает печатать его в “Чтениях Моск[овского] Общ[ества] [истории и древностей российских]” теперь же летом; за каникулы будет напечатана большая половина, а м[ожет] б[ыть], и $\frac{3}{4}$; все это исчерпывает только 1-ю главу, в которой, впрочем, центр тяжести диссертации.

1-я глава (колонизация) распадается на 5 отделов: 1) Историко-топографический очерк, 2) Русская Государственная колонизация до Алексея Михайловича, 3) Переселение черкас в Моск[овское] Госуд[арство] до Алексея Михайловича, 4) Русская Государственная колонизация с Алексея Мих[айловича], 5) Малорусская колонизация с Алексея Мих[айловича].

2-я глава будет посвящена управлению; 3-я сословным отношениям; если будет 4-я, то она будет посвящена землевладению. 1-я глава занимает у меня около 80 писанных листов.

В настоящее время я нахожусь в селе Кочетке Харьк[овской] губ[ернии] возле г. Чугуева, где оканчиваю диссертацию. Поэтому-то и Ваше письмо получил только сегодня 18 июня. За содействие в помещении моей статьи в Журн[але] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения] приношу Вам, глубокоуважаемый Афанасий Федорович, особую благодарность. Я был очень обрадован, получив из редакции Журнала и оттиски, и гонорар (майской книжки); этот последний пришелся очень кстати: я его немедленно отослал в Москву к Барсову для покупки на мой счет лучшей бумаги на некоторое количество экземпляров моего сочинения.

Еще раз приношу Вам сердечную благодарность за все, что Вы мне сделали.

Вам премного обязанный и глубокоуважающий Вас Дм. Багалея.

P. S. В мае я отправил в “Журн[ал] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения]” рецензию на “Воронежские акты” Вейнберга³³ и получил ответ, что она появится в июльской книжке “Журнала”.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45493. – Арк. 1–3.

№ 11

Июль 1887 г.

Милостивый государь
Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Посылаю Вам вместе с сим свою диссертацию, которую я 23 числа сего мая защищал в Московском Университете и за которую получил степень доктора русской истории. Она пока еще не пущена в продажу, потому что Е. В. Барсов не распорядился отпечатать карты, которая к ней должна быть приложена; тем не менее, я решился теперь же послать Вам свою книгу, так как высоко ценю Ваше мнение и отзыв. Хотелось бы убедиться, что данной работой я вполне оправдал Ваше доверие к моим способностям и трудолюбию. Я никогда не забуду той поддержки, которую Вы мне оказали в критический момент моей жизни. Теперь положение дел значительно изменилось к лучшему. Декан факультета В. К. Надлер, после утверждения меня доктором в Совете Моск[овского] Ун[иверситета], представил докладную записку ректору Харьковск[ого] Ун[иверситета] о производстве меня в экстраординарные профессора по свободной кафедре русской истории; ректор вполне присоединяется к этому ходатайству; со стороны г. Попечителя также, надеюсь, не будет никаких препятствий. Таким образом, остается только желать благополучного хода дела в Петербурге; тут я снова, в последний раз, решаюсь беспокоить Вас, Глубокоуважаемый Афанасий Федорович. В последнем письме своем ко мне Вы писали, что если я получу степень доктора, то экстраординатура за мной обеспечена: так Вам сказал г. Министр. Теперь именно наступил удобный и, м[ожет] б[ыть], единственный момент, ибо возбуждается официальное ходатайство от университета.

Отзыв о книге в факультет и на диспут был дан благоприятный, как это видно хотя бы из отчета в “Московских Ведомостях (№ 146)” и “Рус[ских] Вед[омостях] (№ 143)”. Н. А. Попов выразился, между прочим, так: “если бы Вы представили одну пятую главу своего исследования, то мы бы Вам за нее одну дали степень доктора”, единственным серьезным указанием было указание на писцовые книги (неизданные, хранящиеся в архиве Мин[истерства] Юст[иции]), которыми я не успел воспользоваться; хотя, впрочем, эти книги относятся к тому времени, которое у меня очерчено мимоходом. Книга моя была признана серьезным вкладом в науку, вполне самостоятельным исследованием и т. д.

Сегодня выезжает в Петербург наш декан и будет, наверное, говорить обо мне с г. Министром по поводу своего представления. Было бы очень важно, чтобы Вы теперь именно замолвили за меня слово у Ивана Давидовича [Делянова], чтобы он со своей стороны принял хорошо представление г. декана. Не могу не обратиться, в заключение, Вашего внимания и на то, что не только сущность содержания книги, но и ее направление (если можно так выразиться) *не могут* служить препятствием для моего движения по служебной лестнице; чтобы убедиться в этом, стоит только прочесть мое предисловие, особенно конец его; моя заслуга, между прочим, заключается в том, что я выяснил важную роль Моск[овского] гос[ударства] в деле обо-

роны и колонизации края. Ожидаю Вашего содействия в этот решительный момент моей служебной деятельности. Теперь мне, может быть, обеспечена возможность дальнейших работ, которые отчасти уже готовятся. В июле мес[яце] я еду в Москву для занятий в архиве Юстиции, откуда буду извлекать документы для приготавливаемого мною в свет 2 тома “Мат[ериалы] для истории кол[онизации] и быта ст[епной] окр[аины] Моск[овского] гос[ударства]” Летом же рассчитываю побывать у гр[афини] Уваровой (в Поречье) и извлечь из рукописного собрания ее мужа одну летопись (Курскую).

Интересует меня также вопрос, на который жду от Вас удовлетворительного ответа – в каком положении находится дело Уваровских премий и могу ли я представить в Академию на премию свои “Очерки” вместе с “Материалами”, мне важно об этом узнать поскорее, так как летом же (не помню, в каком месяце), по-видимому, оканчивается срок подачи заявлений; не знаю также имени и отчества Непременного Секретаря Академии Веселовского.

Твердо уповаю на Ваше представительство.

Глубокоуважающий и премного

Обязанный Вам Дмитрий Багалей

Примеровская улица, дом Сумцовой, Д. И. Багалею.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45471. – Арк. 1–6.

№ 12

9 февраля 1888 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

С величайшею готовностью исполняю Ваше желание о высылке в Императорскую публичную библиотеку некоторых моих брошюр. Считаю за честь для себя то обстоятельство, что и мелкие работы мои нашли место себе в Нашем Знаменитом Отечественном Книгохранилище. Постараюсь и на будущее время высылать все свои труды. Скоро вышлю лично Вам мои новые работы, помещенные в изданиях Комитетов: 1) вновь изданное под моей редакцией с моим предисловием и моими примечаниями “Топограф[ическое] опис[ание] Харьк[овского] Наместничества”, первоначально напечатанное ровно сто лет тому назад (в 1788 г.) в Москве; 2) Исторический очерк торговли (преимущественно ярмарочной) в Харьковском крае в XVII и XVIII в.; 3) Археологические, топографические и этнографические заметки о Харьк[овской] губ[ернии] (на основании сведений, доставленных в Имп[ераторскую] Академию художеств, и частных корреспонденций); 4) О необходимости изучения Курской губ[ернии] в Историко-географическом отношении (подробная мотивированная записка Курскому Стат[истическому] Ком[итету] об издании им, под моей редакцией, курских писцовых книг); 5) Повесть о граде Курске и Знаменской Иконе Божьей Матери (отчет о рукописной повести, хранящейся в библиотеке пок[ойного] гр[афа] А. С. Уварова³⁴ в с. Поречье). Наш университет должен был послать в Публичную Библиотеку на Ваше имя просьбу о высылке на время одной рукописи (для меня) – именно атласа Слободско-Украинской губ[ернии] 1802 г. Нет ли и других ли еще атласов или карты нашей местности в Библиотеке? Можно ли рассчитывать на получение просимой Университетом рукописи? Все это мне нужно для предполагаемого к изданию атласа Харьковского Наместничества 1787 г. с планами городов.

Извиняюсь, что беспокою Вас своими вопросами, но делаю это в надежде на Вашу постоянную доброту и снисходительность.

Вас глубокоуважающий и Вам много обязанный Дмитрий Багалей.

P. S. Брошюры в Библиотеку отправил посылкою; к сожалению, одной никак не мог разыскать – “Основание Харькова”, уже нет ни в магазинах, ни у меня; если разыщу впоследствии, то пришлю.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45472. – Арк. 1–3.

№ 13

16 мая 1888 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Вчера отослал Вам в бандероли свои новые 4 брошюры, в том числе и переизданное с моим введением и примечаниями “Топографическое описание Харьк[овского] Наместничества”, первое издание которого (1788 г.) давным-давно уже сделалось библиографической редкостью.

Сегодня я получил Ваше письмо с извещением о назначении мне Уваровской премии. Прежде всего, позвольте поблагодарить Вас, Глубокоуважаемый Афанасий Федорович, за то бескорыстное участие, которое Вы принимаете в моей скромной личности: будучи обремененный сложными и тяжелыми, административными и научными занятиями, Вы, тем не менее, нашли время написать мне о решении Комиссии на другой день после ее заседания; поверьте, что я высоко ценю Ваше внимание и расположение; о том же просит меня засвидетельствовать перед Вами и Н. Ф. Сумцов. Академическая награда для меня в высшей степени дорога и приятна. Вполне уверен в том, что нынешний успех мой только натолкнет меня на новые работы. В настоящее время przygotowую для печати свои публичные лекции, читанные в апреле сего года г.г. морским офицерам в г. Николаеве (“Колонизация Новороссийского Края и первые шаги его по пути культуры”), статью о Екатерининской Комиссии, 2-й том “Материалов для Ист[ории] кол[онизации] и быта”; затем опять буду работать в Моск[овском] Архиве Мин[истерства] Юст[иции] – и тогда выпущу 2-й том “Очерков”.

Вместе с сим письмом высылаю в бандероли 4 брошюры в Публичную Библиотеку.

Преданный и много обязанный Вам

Дмитрий Багалей.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45473. – Арк. 1–2.

№ 14

[1889 p.]

Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Посылаю Вам оттиск своей полемической статьи из “Журн[ала] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения]” и, пользуясь настоящим случаем, еще раз выражаю глубокую признательность за доброжелательный отзыв о моих “Очерках”, высказанный в Акад[емической] Комиссии. Сколько могу судить по Акад[емическому] отчету, присланному мне г. Секретарем Ак[адемии] Н[аук], Д. А. Корсаков³⁵ сделал разбор моей книги, в противоположность другим рецензентам, не высказал-

ся ни за, ни против присуждения мне премии, а предоставил решение этого вопроса комиссии. Теперь я жду с понятным нетерпением полного отчета о 30-м присуждении Увар[овской] Наград[ы]. Во всяком случае, присуждение премии доставило мне истинное ученое и нравственное удовлетворение. В настоящее время я приступаю к печатанию 2-го тома собранных мною “Материалов для истории кол[онизации] и быта” (XVI–XVIII в.), и этот том по важности и интересу нисколько не уступит, как мне кажется, 1-му. Нын[ешним] летом я не мог совершить археогр[афической] экскурсии в Москву, потому что ожидал ребенка – первенца (после 6-летнего супружества); но все-таки и оно не пропало для меня даром: я выбрал для дачного пребывания с. Бабаи, где у местного помещика разобрал архив, заключающий в себя фамильные документы 3-х местных дворянских родов, игравших видную роль в крае – Донцов-Захаржевских, кн. Крапоткиных и Щербининых. Владелец архива, по моему совету, решил издать более интересные из этих бумаг в отдельном сборнике; я, с[о] своей стороны, предложил ему, конечно *gratis*³⁶, редактировать это издание и снабдить его предисловием. На следующее лето я намерен для продолжения своих архивных занятий ехать в Москву. Все это, в связи с разработкою на месте Харьковского архива, послужит основой 2-го тома “Очерков”, который будет всецело посвящен внутреннему быту.

К сожалению, меня несколько стесняет материальное положение: с рождением ребенка значительно возросли расходы, и совершать поездки при таких условиях будет мудрено. Приезд в Харьков г. Министра Нар[одного] Пр[освещения] побудил меня обратиться к нему с устною просьбою о производстве из экстраорд[инарных] в ординарные проф[ессоры]. Я указал на следующие мотивы: 1) более 6 лет я уже состою штатным преподавателем в Х[арьковском] Унив[ерситете] (в том числе почти 1½ года экстраорд[инарным] проф[ессором]); 2) на нашем факультете в настоящее время занято всего 4 штатных ординатуры; 3) оставаясь экстраординарным, мы скоро будем мешать производству в экстраорд[инарные] временно исправляющим обязанности, защитившим докторские диссертации; 4) я по времени производства стою 2-м среди экстраординарных; 5) для кафедры русской истории Министерство давно уже распорядилось держать свободной одну ординатуру; 6) было бы справедливо принять во внимание мои изменившиеся семейные обстоятельства и научные предприятия, требующие затраты собственных моих средств.

Г. Министр Нар[одного] Пр[освещения], как я узнал потом, спрашивал мнение обо мне г.г. попечителя и ректора – и те с[о] своей стороны высказывались *вполне* благоприятно в пользу моего ходатайства и даже подкрепили его. В своей беседе с г. Министром я позволил себе сослаться на Вас, Глубокоуважаемый Афанасий Федорович, как авторитетного судью моей научной деятельности. Уверен, что Ваше представительство за меня перед г. Министром могло бы теперь увенчаться полным успехом, так как начато дело при хороших авспициях и никаких подводных камней и мелей не замечается. Его Высокопревосходительство изволил записать мою фамилию, но к нему обращалось со своими нуждами так много разных лиц, что едва ли он будет помнить все мотивы устных просьб, в виду этого я обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый Афанасий Федорович, с настоятельной просьбой (зная Вашу доброту и расположение ко мне), чтобы Вы сами еще при случае изложили перед г. Мин[истром] эти мотивы в таком виде, как они изложены в настоящем письме. Остаюсь со всегдашним глубоким уважением и преданностью Вам много обязанный Дмитрий Багалей.

№ 15

12 апреля 1889 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Посылаю Вам вместе с сим экземпляр своей актовой речи “Заселение Харьк[овского] края и общий ход его культурного развития до открытия Университета”. В скором времени надеюсь отправить Вам еще отдельный оттиск (около 100 страниц) своего исторического этюда “Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры”, введение и первые 2 главы его уже напечатаны в апрельской книжке “Киевской Старины”. 2-го тома “Материалов” напечатано уже 10 листов, т.е. около половины; в него войдет, между прочим, и считавшийся погибшим “Экстракт о Слободских полках”. В Харьковском Сборнике на 1889-й год печатается мною “Описание Слоб[одско]-Укр[аинской] губ[ернии]” 1802 г., извлеченное из Атласа этой губ[ернии], хранящегося в Вашей Публичной Библиотеке.

В 15-м вып[уске] “Критико-биографического словаря” Венгерова³⁷ напечатана моя оценка научной деятельности проф[ессора] В. Б. Антоновича. Одним словом, как Вы видите отсюда, продолжаю работать энергично. Смущает меня только одно обстоятельство: когда я получу ординатуру, чтобы еще более расширить свои археографические предприятия. Много месяцев тому назад (когда Вы исправляли обязанности Министра Народного Просвещения) я Вам, глубокоуважаемый Афанасий Федорович, написал именно на счет этого последнего обстоятельства (ординатуры) письмо, где подробно излагал все дело; но до сих пор в ответ на него от Вас не получил ничего. В бытность г. Министра Нар[одного] Просв[ещения] в Харькове я говорил с ним на счет этого – и мне казалось, что если бы Вы, по приезде его в Петербург, только напомнили ему благосклонно обо мне – дело бы уладилось; попечитель отозвался хорошо, ректор прекрасно. Если бы теперь Вы походатайствовали у г. Министра, то он бы, наверное, дал свое согласие: все обстоятельства (о которых я могу написать Вам подробно) в мою пользу; я думаю, что и попечитель сделает обо мне официальное представление, если будет знать, что оно не будет отклонено в Министерстве.

Может быть, Вы не получили первого моего письма, – тогда не поставьте себе в труд ответить в двух словах на настоящее.

P. S. Имею некоторое основание спешить с этим делом, между прочим, и потому, что г. Буцинский оканчивает печатанием свою докторскую диссертацию, следовательно, скоро получит экстраординатуру, хотя я на 3 года старше его по службе.

Остаюсь с глубоким почтением

Вам много обязанный

Дмитрий Багалей.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45475. – Арк. 1–4.

№ 16

5 октября 1889 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Позвольте прежде всего принести Вам искреннюю, сердечную благодарность за доброе расположение и участие ко мне; она выразилось не раз уже; выразилось и теперь в хорошем отзыве о моей актовой речи, отзыв, который Вы высказали Его

Сиятельству г. Министру Народного Просвещения. В Министерстве Народного Просвещения, очевидно, утвердилось мнение (вполне основательное), что я предан исключительно научным интересам – и этим я обязан гл[авным] обр[азом] Вам, Афанасий Федорович! Теперь, с получением ординатуры, я постараюсь еще более расширить сферу своих ученых занятий; в виду этого я уже отказался от уроков в Женской Гимназии, которые должен был в свое время взять для пополнения университетского жалованья. Но еще важнее то, что теперь у меня есть необходимое спокойствие духа и некоторая уверенность в завтрашнем дне, без чего работать крайне тяжело.

Посылаю Вам свой новый труд, о происхождении которого говорится во введении. Я его озаглавил “исторический этюд”, потому что действительно это, собственно говоря, только краткий эскиз, из которого, при дальнейшей работе, могла бы выйти большая картина. Но и тут я работал по первоисточникам (хотя не исчерпал, да и не мог исчерпать их всех) и высказал не мало, хотя, б[ыть] м[ожет], ошибочных, но зато своих выводов.

С полным уважением преданный

Вам Дм. Багалей

P. S. Посылаю еще и напечатанный мною текст из рук[описного] Атласа Слоб[одско-]Укр[аинской] губ[ернии] 1802 г., который некогда любезно был Вами препровожден в Харьков.

Скоро опять Харьк[овский] Университет будет Вас просить выслать на 1 или 2 недели рук[описный] список книги Большого Чертежа, который, по словам Л. Н. Майкова, имеется в библиотеке, а мне нужен для реферата, который я приготавливаю к Моск[овскому] Арх[еологическому] Съезду (“Известия Кн[иги] больш[ого] чертежа о южных степях в связи с другими аналогичными данными”). Нет ли еще чего-нибудь для этого реферата в Публ[ичной] библиотеке. К сожалению, я не знаю номера, под коим хранится эта рукопись в библиотеке, как мне с этим быть?

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45476. – Арк. 1–3.

№ 17

16 января 1893 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Позвольте обратиться к Вам со всепокорнейшей просьбой следующего содержания. Недавно Харьк[овский] у[ниверсите]т праздновал 50-летие со дня кончины истинного виновника основания университета в Харькове Вас[илия] Наз[аровича] Каразина³⁸. Тогда же высказано было общее желание об издании сочинений незабвенного Василия Назаровича. Я принял на себя труд собрать разбросанные в разных журналах труды покойного. Но желательно было, конечно, напечатать и то, что еще не было издано. Из одного отчета И[мператорской] Пуб[личной] Б[ibliote]ки (1872 г.) видно, что там есть рукописи Вас[илия] Наз[аровича] Каразина. И вот я поручил предьявительнице сего письма девице Бекароковой (из Харькова) пересмотреть эти бумаги и составить для меня краткий реестр их содержания. Предоставьте ей для осмотра, Глубокоуважаемый Афанасий Федорович, *все* бумаги В. Н. Каразина и, если есть официальная *опись* им в б[ibliote]ке, то дайте ей возможность просто списать ее для меня; это было бы самое практичное и удобное,

так как мне неловко злоупотреблять любезностью г-жи Бекарюковой и задавать ей слишком много труда.

Когда мне будет известно содержание Каразинских бумаг, тогда я дам поручение сделать из них выписки, а если их окажется слишком много, то Харьковский у[ниверсите]т будет ходатайствовать о временной высылке их в Харьков.

В конце января выйдет 1-я книжка возобновлённых после 10-тилетнего перерыва “Записок Харьк[овского] У[ниверситет]а”, в которой, между прочим, помещена моя речь о Вас[илии] Наз[аровиче] Каразине.

Теперь же пока позволю себе преподнести Вам две свои брошюры – о св. Сергии Рад[онежском]³⁹ и рецензию на книгу проф[ессора] Собестианского⁴⁰. Во 2-й книге “Зап[исок] Харьк[овского] у[ниверситет]а” начну печатать свои “Очерки по истории Харьковского у[ниверсите]та”, основанные, гл[авным] обр[азом], на документах Университетского архива. Поручаю себя Вашему благосклонному вниманию.

Премного обязанный Вам

Дмитрий Багалей.

Харьков, Подгорная улица № 4.

P. S. Покорнейше прошу второй экз[емпляр] брошюры передать многоуважаемому Леониду Николаевичу Майкову и поблагодарить его за память обо мне.

P. S. S. По приглашению одного из редакторов Н. П. Собко я принял участие в задуманном Вами Словаре русских исторических деятелей и отправил уже несколько биографий на букву [нрзб.]; выбрал тех, о которых мог сказать нечто новое, основываясь на новом материале или, по крайней мере, первоисточниках. Буду продолжать работать впредь. Еще раз желаю Вам здоровья и благополучия.

Д. Б.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45477. – Арк. 1–4.

№ 18

8 декабря 1893 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Вместе с сим высылаю Вам два экземпляра своего труда “Зам[етки] и мат[ериалы] по истории Слоб[одской] Укр[аины]” – один лично для Вас, другой – для Императорской Публ[ичной] Библиотеки. Приношу также мою глубокую благодарность за присылку мне “Отчета Императорской Публ[ичной] Библиотеки за 1889-й год” Какое это драгоценное и незаменяемое пособие для всех, имеющих дело с рукописями! К сожалению, у нас в Харькове нет полной коллекции “Отчета” даже в Университетской библиотеке. Что будет, если наше историко-фил[ологическое] Общество обратится с низжайшим ходатайством в Императорскую Публ[ичную] Библиотеку о высылке Отчетов для библиотеки Общества, в которых сосредотачиваются все справочные издания по части рукописей для лиц, работающих в архиве, членов общества и профессоров. Затем скоро Вы получите официальную просьбу о высылке к нам в Университет рукописей Г. С. Сковороды⁴¹. В октябре 1894 г. исполнится 100 [лет] со дня его кончины – и к этому времени Харьк[овское] Ист[орико]-Фил[ологическое] Общ[ество] решило издать полное собрание его сочинений. Теперь у нас уже есть рукописные сочинения Сковороды, присланные на время из

Киевской Дух[овной] Академии. Но оказывается, что немало рукописей Сквороды и о Сквороде есть у Вас.

Для издания необходимо иметь все списки, чтобы сверить их и напечатать с лучшего, тем более что некоторые сочинения имеют по несколько редакций. Душаю, что в интересах науки, для ознакомления публики с этим замечательнейшим русским философом, Вы, глубокоуважаемый Афанасий Федорович, решитесь обратиться за Высочайшим разрешением насчёт высылки рукописей в Харьков.

Многообязанный Дм. Багaley.

IP НБУВ. – Ф. I. – Од. зб. 45478. – Арк. 1–2. Автограф.

№ 19

25 мая 1897 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Федорович!

Обращаюсь к Вам с большою просьбою и заранее уверен в Вашем содействии, потому что она касается просветительного учреждения, к которому Вы относитесь с полною симпатией, – а именно Харьковской Общественной библиотеки. 12 мая сего года отправлено в Министерство Народного Просвещения (за № 3445) ходатайство Правления Общественной библиотеки об уступке ему части университетского места, арендуемого механиком Эдельбергом, для постройки на нем здания библиотеки. Ходатайство это поддержано в высшей степени сочувственными заявлениями Правления Университета, Попечителя Округа и местного Губернатора. М. М. Алексеенко⁴² также решительно стоит за это дело, тем более, что оно (это между нами – Михаил Мартынович [Алексеенко] может объяснить Вам это) решает и другое важное предприятие – постройку специального здания для Исторического архива. Посему, глубокоуважаемый Афанасий Федорович, подайте свой авторитетный голос перед Иваном Давидовичем гр[афом] Деляновым, Николаем Милюевичем Аничковым и Василием Васильевичем Латышевым⁴³ в пользу этого дела; прочтите просьбу правления за указанным мною номером: там подробно приведены мотивы, и, если будет сделано представление в Департамент экономии Государственного Совета, то посодействуйте и там. Для нас очень важно, чтобы вопрос этот был решен на каникулах до сентября. Посылаю Вам при сем брошюру о десятилетия библиотеки и отчет за последний год ее деятельности.

Глубокоуважающий и преданный

Дм. Багaley.

IP НБУВ. – Ф. I. – Од. зб. 45483. – Арк. 1–2. Автограф.

№ 20

[1900 р.]

Высокочитимый Афанасий Федорович!

Посылаю Вам вместе с сим заказною бандеролью 3-й и 4-й выпуск 1-го тома своего “Опыта Истории Харьковского Университета” – первые два я Вам отправил немедленно после выхода их в свет, т.е. в 1894 и 1896 г.г. Присоединяю к ним общее ко всему тому оглавление и обложку, а также перепечатанную 483–484-ю страницу (перепечатана эта страница для того, чтобы не было страницы, не заполненной текстом) – замените ею прежнюю.

Наконец, я закончил 1-й том своего труда. Остается, правда, еще 3, но они будут менее объемными, и придется теперь уже идти по проторенной мною дорожке – план, выработанный мною для 1-го тома, останется без изменений и для последующих.

Я представил свой труд – плод шестилетних добросовестных научных изысканий – в Академию Наук – на Уваровскую премию. Рассчитывал было я на Макарьевские премии, но к огорчению своему узнал, что ни в этом, ни в следующем году их по историческому отделу не будет. Впрочем, признаюсь откровенно, что мне приходит тут на мысль возможность получения полной премии. Работал я усердно и вполне добросовестно – и результаты моих изысканий, б[ыть] м[ожет], окажутся полезными не только для взятой м[н]ою темы (ее, я, кажется, исчерпал), но и для более широкого вопроса – для истории просвещения России в царствование имп[ератора] Александра I-го.

Приступив к своей работе заблаговременно (с 1893-го года) – задолго до юбилея Университета, я мог составить себе такой широкий план, какого не было ни у одного из прежних историков русских университетов, и, благодаря обилию материала, заполнил все его рубрики. Кроме истории Университета в тесном смысле этого слова я даю еще историю его учебно-вспомогательных учреждений, массу материалов для биографического словаря профессоров и данные для истории среднего и низшего народного образования в Харьк[овском] уч[ебном] округе. Не поставьте себе в труд, глубокоуважаемый Афанасий Федорович, сообщить мне, кому будет поручено рассмотрение моего труда.

Остаюсь с глубоким уважением

Д. Багалей.

P. S. Пользуясь настоящим случаем, приношу Вам лично глубокую благодарность за присылку в Харьковскую Общественную библиотеку “Отчетов Имп[ераторской] Публичной библиотеки” – это крайне обрадовало всех нас. Вместе с тем и лично от себя, и от всего Правления библиотеки обращаюсь к Вам с почтительнейшей просьбою следующего содержания.

В настоящий момент в Министерстве Народного Просвещения решается вопрос, имеющий первостепенное значение для библиотеки, ее “быть или не быть”, – ходатайство Правления Харьковского Университета о продаже ей за 15000 руб. части дворового Университетского пустопорожнего места на углу Николаевской улицы и Петровского переулка, занятого ныне лесным складом и арендуемого механиком г. Эдельбергом.

Общ[ественная] б[иблиоте]ка приносит такую пользу 3-м высшим учебным заведениям г. Харькова (студентам), являясь как бы вторым студенческим отделом их библиотек, затрачивает на это так много средств (один бесплатный кабинет для чтения, которым пользуются гл[авным] обр[азом] студенты, обходится ей в 2000 р. ежегодно, кроме того, она приспособляет и свой каталог к нуждам), что университет не так давно возбуждал даже ходатайство о *безвозмездной* уступке просимого ныне участка.

Если Министерство не уважит, почему-либо, ходатайства университета, то положение Библиотеки будет отчаянное: подходящих участков в центральных частях города не имеется; значит, придется отказаться от мысли о постройке дома, в котором самая настоятельная нужда – теперь наемное помещение тесно, дорого, не приспособлено к нуждам Библиотеки и опасно в пожарном отношении. Вы, в качестве

Директора Главного Центрального Российского Книгохранилища, можете поддержать наше и Университетское ходатайство об уступке места за 15000 (цена, кстати, очень хорошая, как это удостоверено Городской Управой – по 45 р. за кв. сажень). Библиотека отдает *половину* всех своих средств, все то, что она получила от казны с Высочайшего соизволения на постройку дома. Дело это тянется уже 3-й год (началось в Министерство И. Д. Деянова).

Из имеющейся у Вас брошюры о десятилетии Харьк[овской] Общ[ественной] б[иблиоте]ки Вы хорошо знаете, что сделала Библиотека на пользу города в деле просвещения, какое почетное место в короткий срок заняла она среди провинциальных книгохранилищ.

Сообщите все это г. Министру Народного Просвещения и его товарищу (у которого в руках, кажется, это дело). Отрекомендуйте им меня как председателя этого учреждения (я состою уже таковым 5 лет; другие члены правления – профессора Университета и двух институтов – Технологического и Ветеринарного; непременно членами правления по уставу состоят – ректор Унив[ерситета], директор Техн[ического] и Ветер[инарного] Инст[итута], Семинарии духовной и гимназий). В деле этом заинтересован и Мих[аил] Март[ынович] Алексеенко.

Ваш. Д. Багaley.

IP НБУВ. – Ф. I. – Спр. 45488. – Арк. 1–7.

КОМЕНТАРІ

1. Костомаров Микола Іванович (1817–1885) – український історик, письменник, фольклорист і громадський діяч. Один з організаторів Кирило-Мефодіївського товариства (1846–1847) та автор програми цієї політичної організації, “Книг буття українського народу”. Викладач Рівненської та Київської гімназій (1844–1845), професор Київського (1846) та Петербурзького (1859–1862) університетів. Співробітничав з “Основою” (1861–1862) та з Археографічною комісією.

2. Лінниченко Іван Андрійович (1857–1926) – російський історик. Приват-доцент Новоросійського (1884–1888) та Московського (1888–1896) університетів, професор Новоросійського (Одеського) університету (з 1896).

3. Рецензія І. А. Лінниченка надрукована у “Журналі Міністерства народної освіти” (1883. – № 5. – С. 163–207) і окремим відбитком (*Лінниченко І. А. Сочинения П. Голубовского и Д. Багалея. Критическая оценка Ивана Линниченка.* – СПб., 1883. – 43 с.). Відповідь на неї Д. І. Багaley друкувалась у “Записках” Харківського університету (1884. – № 2. – С. 305–316) і також окремим відбитком (*Багaley Д. И. Ответ И. Линниченку на критическую оценку книги “История Северной земли до половины XIV стол.”.* – Харьков, 1884 (Отд. отт.)).

Рецензію П. В. Голубовського див.: Киевская старина. – 1882. – № 6. – С. 519–523.

4. Бущинський Петро Микитович (1853–1916) – російський історик і громадський діяч консервативної орієнтації, професор Харківського університету. Досліджував історію України XVII ст., заселення Сибіру.

5. Дрінов Марин Степанович (Стоянов) (1838–1906) – болгарський і російський історик-славист, етнограф, філолог, член-кореспондент Петербурзької Академії наук, один з лідерів болгарського культурного і політичного відродження. Професор Харківського університету.

6. Лебедев Амфіан Степанович (1859–1910) – професор кафедри історії церкви, декан історико-філологічного факультету Харківського університету, автор праць з історії Слобідської України, слов'янських церков.

7. Антонович Володимир Боніфагійович (1834–1908) – український історик, археолог, етнограф і громадський діяч. Керівник Київської старої громади, професор Київського університету, засновник Товариства Нестора Літописця в Києві, організатор археологічних з'їздів, редактор і видавець “Архива Юго-Западной России” (8 томів). Засновник наукової історичної школи, яку Д. І. Багалій часто називає “київською документальною” і до якої відносив себе та всіх численних учнів В. Б. Антоновича.

8. Карпов Геннадій Федорович (1839–1890) – російський історик. Доцент Харківського (1867–1870), професор Московського (з 1870) університетів. Найбільш відомі праці: “История борьбы Московского государства с Польско-Литовским (1462–1508)” (магістерська дисертація, 1867), “Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся” (докторська дисертація, 1870), “В защиту Богдана Хмельницкого” (1890). Опублікував документи з історії дипломатичних відносин Росії з Польсько-Литовською державою XIV–XV ст.

9. Безсонов (Бессонов) Петро Олексійович (1828–1898) – російський фольклорист та етнограф, видавець історичних пісень, дослідник історії літератури, слов'янських народів. Професор Харківського університету з 1879 р. Деякі аспекти його діяльності в цій ролі висвітлює стаття І. Я. Айзенштока: Безсоновщина (з матеріалів до життєпису О. О. Потебні) // Записки іст.-філол. відділу УАН. – 1928. – Кн. 16. – С. 146–188.

10. Надлер Володимир Карлович (1840–1894) – російський історик, професор Харківського та Новоросійського університетів, викладав усесвітню історію. Спеціаліст з історії середньовічної Європи, історії Чехії та південних слов'ян.

11. Делянов Іван Давидович (1818–1897) – державний діяч, міністр народної освіти в 1882–1897 рр., виступав проти демократизації освіти; активний русифікатор і контрреформатор.

12. Гловайський Дмитро Іванович (1832–1920) – російський історик, публіцист, професор, академік Петербурзької Академії наук. Автор офіційних підручників з всесвітньої та російської історії, монографічних праць “История России” (Т. 1–5: 1876–1905), “История Рязанского княжества” (1858), “Гродненский сейм 1793 г.” (1870), “Разыскания о начале войны” (1876) та ін.

13. Георгієвський Олександр Іванович (1830–1911) – російський вчений, педагог і адміністратор. Закінчив Московський університет, займав кафедру загальної історії та статистики в Одеському Ришельєвському ліцеї. Протягом 1866–1881 рр. редагував “Журнал министерства народної освіти”. У 1873–1898 рр. – голова Вченого комітету Міністерства народної освіти. На цій посаді проводив реакційну політику в інтересах бюрократії.

14. Qui pro quo (*латин.*) – одне замість іншого, плутанина, непорозуміння.

15. Анічков Микола Мілійович (1844–1916) – державний діяч, директор департаменту, товариш міністра, виконувач обов'язків міністра народної освіти, сенатор, член Державної ради.

16. Потебня Олександр Опанасович (1835–1891) – український філолог, мовознавець, громадський діяч, член-кореспондент Петербурзької Академії наук (з 1875). Професор Харківського університету (з 1875), голова Харківського істо-

рико-філологічного товариства. Головні праці: “О мифическом значении некоторых обрядов и поверий” (докторська дисертація, 1866), “Мысль и язык” (1892), “Из записок по теории словесности” (1905).

17. Сумцов Микола Федорович (1854–1922) – український етнограф, літературознавець, громадський діяч, академік Всеукраїнської (з 1918), член-кореспондент Петербурзької (з 1905) та Чеської академії наук. Професор (1882–1922), декан історико-філологічного факультету Харківського університету, голова Харківського історико-філологічного товариства (з 1887), член кількох слов’янських наукових товариств. Автор понад 800 наукових праць.

18. Яворницький (Еварницький) Дмитро Іванович (1855–1940) – український історик, етнограф, археолог, письменник, академік ВУАН (з 1929), завідувач Дніпропетровської науково-дослідної кафедри українознавства, автор праць з історії запорозького козацтва. Зібрав і видав значний фольклорний, етнографічний та лексикографічний матеріал. Писав художні твори.

19. Амвросій (Ключарев Олексій Йосипович; 1820–1901) – архієпископ Харківський і Охтирський, відомий проповідник-імпровізатор, теоретик церковної проповіді.

20. Щелков І. П. (1833–1909) – медик, професор Харківського університету, в якому пізніше займав посади проректора і ректора; з 1890 р. – ректор Варшавського університету.

21. Маркевич Олексій Іванович (1847–1903) – історик. Закінчив курс у Новоросійському університеті. Отримав у 1879 р. ступінь магістра російської історії за дисертацію “О местничестве” (К., 1879), читав лекції у Новоросійському університеті як приват-доцент. 1888 р. отримав ступінь доктора за дисертацію “История местничества в Московском государстве в XV–XVII веках” і був призначений професором Новоросійського університету. У 1895 р. змушений був залишити університет, після чого служив у міській управі Одеси. Був активним учасником археологічних з’їздів. Автор праць: “25-летие Императорского Новороссийского университета” (томи XXXVI і XLIV); “Г. К. Котошихин и его сочинение” (Ibidem, том LXVIII); “Избрание на царство М. Ф. Романова” та ін. Список праць у статті І. А. Лінниченка “А. И. Маркевич” (Одеса, 1904; передруковано в книзі “Речи и поминки”, Одеса, 1914).

22. Куплеваський М. О. (1847–?) – юрист, професор і ректор Харківського університету, політичний діяч консервативного напрямку, один із засновників Всеросійського національного союзу.

23. Ярош Кипріян Миколайович (1854–?) – професор, дослідник історії і філософії права, доктор державного права. Закінчив юридичний факультет Харківського університету у 1876 р. У 1877 р. представив на юридичному факультеті свою першу наукову працю “Спиноза и его учение о праве”. Ступінь магістра державного права отримав у 1881 р. за дослідження “История идеи естественного права, ч. I” і зайняв кафедру енциклопедії права та історії філософії права. У 1886 р. удостоєний ступеня доктора після захисту дисертації “Иеремия Бентам и его отношение к естественному праву”. Надрукував праці: “История идеи естественного права, ч. II” (1885), “Чувство законности и мировая юстиция” (1888) та ін., написав низку філософських, історичних і публіцистичних статей: “Философия смерти”, “Казак XVI столетия”, “Протопоп Аввакум”, “О польско-русских отношениях”. У 1900 р. видав том “Сказок для взрослых”. У віці 47 років виїхав за кордон.

24. Борзаковський Володимир Степанович (1834–?) – історик. У 1876 р. надрукував дисертацію “История Тверского княжества”, за яку отримав ступінь магістра російської історії. Академія наук за цю працю нагородила його Уваровською премією. Хвороба очей зупинила подальшу наукову діяльність Борзаковського.

25. Нікітський Олександр Іванович (1842–1886) – історик, вихованець новгородської гімназії і університету св. Володимира. Був викладачем історії у гімназії, потім професором і деканом у Варшавському університеті. Наукова діяльність Нікітського була присвячена, головним чином, історії Великого Новгороду і Пскова: “Очерки из жизни Великого Новгорода: 1) правительственный совет и 2) святой Иоанн на Опоках” (1869 – 1870), “Теория родового быта в древней Руси” (1870), “Военный быт в Великом Новгороде в XI–XV столетиях” (1870), “Очерк внутренней истории Пскова” (магістерська дисертація, 1873), “Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде” (докторська дисертація, 1879).

26. Беляєв Іван Дмитрович (1810–1873) – російський історик права. Професор Московського університету (1852–1873), секретар Товариства історії і старожитностей російських і редактор його “Временника”. Слов’янофіл. Автор праць з історії російського селянства, права, господарства, побуту, військової справи, літописання в Росії.

27. Байєр Готліб Зігфрід (1694–1738). У 1710 р. вступив до Кенігсберзького університету, де вивчав східні мови (зокрема китайську), потім читав у 1717 р. у Кенігсберзькому університеті лекції з грецької літератури. У 1725 р. Байєр переселився до Санкт-Петербурга, де в Академії наук зайняв кафедру зі східних старожитностей і мов. В історіографії Байєр є засновником норманської теорії і т. зв. скандинавської школи.

28. Кавелін Костянтин Дмитрович (1818–1885) – письменник, юрист, психолог, етнограф і громадський діяч. Закінчив юридичний факультет, Московського університету (1839). З 1878 р. займав кафедру цивільного права Військово-юридичної академії. У 1839 г. Кавелін отримав золоту медаль за дослідження: “О римском владении” (свою першу друковану працю). Потім захистив магістерську дисертацію: “Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях”. Протягом 1857–1861 рр. – професор Петербурзького університету. Займав західницькі позиції. У 1855 р. склав і розповсюджував “Записку об освобождении крестьян с землей за выкуп в пользу помещиков при содействии государства”. З ліберальних позицій підтримував підготовку і проведення селянської реформи 1861 р. У брошурі “Дворянство и освобождение крестьян” (1862) виступив проти ідеї конституції і за сильну самодержавну владу. З кінця 1850-х рр. зближується із слов’янофілами. Збірники його праць виходили у 1859 і 1899 рр.

29. Попов Ніл Олександрович (1833–1891) – російський історик-славіст, професор Московського університету, археограф і архівіст.

30. Майков Леонід Михайлович (1839–1899) – російський історик літератури, академік Петербурзької Академії наук.

31. “Źródła dziejowe”, тобто “Історичні джерела”, видання, започатковані Олександром Яблоновським і Адольфом Павінським у 1876 р. (вийшло 24 томи, останній у 1915 р.). 5-й, 6-й, 18-й–22-й включали важливі документальні джерела з історії України XVI–XVII ст., які археографи почерпнули із документів Коронної Метрики, особливо з люстрацій.

32. Барсов Елпідіфор Васильович (1836–1917) – філолог і етнограф, збирач і дослідник народних творів та давньоруської писемності. Закінчив Новгородську семінарію, з 1857 р. навчався у Петербурзькій духовній академії. У 1870 р. став хранителем рукописів у Рум'янцевському музеї в Москві. Протягом 1891–1907 рр. був секретарем ОИДР (Московское общество истории и древностей российских) і редактором ЧОИДР (Чтений в Московском обществе истории и древностей российских). Член-кореспондент (1873), дійсний член (1874) Московського археологічного товариства.

33. “Материалы по истории Воронежской и соседних губерний” (вийшло 16 таких випусків протягом 1885–1890 рр.). Збірники мали схвальний відгук багатьох істориків (І. Є. Забеліна, Д. І. Багалія та Є. Ф. Шмурла), оскільки вводили до наукового вжитку сотні раніше не відомих документів. Відібравши 170 найцікавіших текстів, Л. Б. Вейнберг об'єднав їх у книгу під назвою “Воронежские акты” (1887). Це видання мало алфавітний, географічний та систематичний покажчики, словник застарілих слів, плани та карти.

34. Уваров Олексій Сергійович (1825–1884) – російський культурний діяч, граф. Один із засновників Історичного музею в Москві, Московського археологічного товариства (1864) та його друкованого органу “Чтения...”. Один з організаторів археологічних з'їздів у Росії. Головна праця: “Археологія Росії: кам'яний період” (1881. – Т. 1–2).

35. Корсаков Дмитро Олександрович (1843–1920) – російський історик, професор Казанського університету, спеціаліст з історії XVIII ст., історіографії історії Росії.

36. *Gratis* (латин.) – даром, безплатно.

37. Венгеров Семен Опанасович (1855–1920) – російський літературний критик, історик літератури, видатний бібліограф і редактор.

38. Каразін Василь Назарович (1773–1842) – російський дворянський просвітитель, учений, публіцист, громадський діяч, засновник університету в Харкові.

39. Сергій Радонезький (в миру Варфоломей; 1314–1392) – святий, монах Московської церкви (Константинопольської православної церкви), засновник Троїцького монастиря під Москвою (тепер Троїце-Сергієва лавра).

40. Собєстіанський Іван Михайлович (1856–1895) – історик слов'янського права, професор Харківського університету. У докторській дисертації “Учення о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян” (Харків, 1892) висунув, усупереч поширеним на той час поглядам, нову концепцію слов'янського права, яка згодом й утвердилася у вітчизняній науці.

41. Сковорода Григорій Савич (1722–1796) – український просвітитель, мандрівний філософ, поет.

42. Алексєєнко Михайло Мартинович (1848–1917) – юрист, професор і ректор Харківського університету, попечитель Казанського (1899–1901) і Харківського (1901–1905) навчальних округів, член Державної думи III і IV скликання.

43. Латишев Василь Васильович (1855–1921) – російський філолог, ординарний академік Академії наук. Був членом ради Міністерства народної освіти, товаришем голови та редактором видань Імператорської археологічної комісії. Свої наукові інтереси зосередив на історії давньогрецьких поселень у Північному Причорномор'ї, згадках про Скіфію і Кавказ у грецьких та латинських авторів, в останні роки працював у галузі візантійської агіографії.

Григорій Стариков (Київ). **Листи Дмитра Багалія до Опанаса Бичкова.**

За матеріалами листування з Опанасом Бичковим висвітлено початок наукової діяльності Дмитра Багалія. Підозри в українофільстві зумовили гальмування кар'єри молодого вченого з боку влади. У значній мірі особисті зв'язки з впливовим в урядових колах академіком Опанасом Бичковим допомогли Д. Багалію подолати ці труднощі і здобути визнання як ученого.

Ключові слова: кореспондент, лист, епістолярій, епістолярна спадщина.

Григорій Стариков (Киев). **Письма Дмитрия Багалей к Афанасию Бычкову.**

По материалам переписки с Афанасием Бычковым освещено начало научной деятельности Дмитрия Багалей. Подозрения в украинофильстве стали причиной торможения карьеры молодого ученого со стороны власти. В значительной мере личное знакомство с влиятельным в правительственных кругах академиком Афанасием Бычковым помогло Д. Багалей преодолеть эти преграды и получить признание как ученого.

Ключевые слова: корреспондент, письмо, эпистолярный, эпистолярное наследие.

Hryhorii Sarykov (Kyiv). **The Letters of Dmytro Bahalii to Opanas Bychkov.**

The materials presented here describe the correspondence with Opanas Bychkov during the earliest steps in scholarly activity of Dmytro Bahalii. Government's suspicions of Ukrainophiles caused inhibition in the career of the young scholar. Bahalii's personal acquaintance with the academician Opanas Bychkov, who was an influential person in government circles, helped him overcome these obstacles, and gain recognition as a scholar.

Key words: correspondent, letter, epistolary, epistolary heritage.